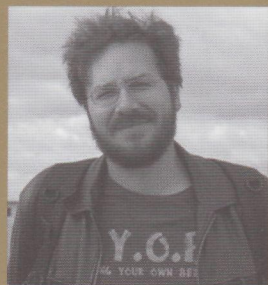

Федор Андрощук

ОСЕБЕРГ
ЗАГАДКИ
КОРОЛЕВСКОГО
КУРГАНА

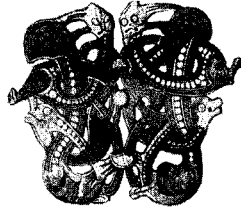

Андрощук

Федор Александрович,

доктор исторических наук, специалист в области древностей Восточной Европы и Скандинавии. Область научных интересов — археология и история Скандинавии эпохи викингов, история оружия, контакты Скандинавии с Русью и Византией, раннесредневековая сфрагистика и нумизматика. Член Коллегии исследователей Шведского исследовательского института в Стамбуле. Руководитель проектов «Мечи викингов», «Скандинавские подражания византийским монетам», а также «Византийское серебро в кладах эпохи викингов» в Историческом музее Швеции

ОСЕБЕРГ
ЗАГАДКИ КОРОЛЕВСКОГО
КУРГАНА

THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Fedir Androshchuk

OSEBERG
MYSTERIES
OF THE ROYAL
MOUND

KYIV
LAURUS
2017

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Федор Андрощук

ОСЕБЕРГ
ЗАГАДКИ
КОРОЛЕВСКОГО
КУРГАНА

КИЕВ

LAURUS

2017

ББК 63.4
УДК 94(48) 021

А-65

Андрощук, Федор.

А-65 Осеберг. Загадки королевского кургана. — К.: Laurus, 2017. — 124 с.: ил.

ISBN 978-617-7313-11-2

Книга посвящена истории кургана в Осеберге (провинция Вестфолд, Норвегия) – одного из ключевых археологических источников для изучения общества, культуры и экономики Скандинавии IX века. В работе подробно освещены обнаружение памятника и процесс раскопок. Описаны полученные находки, ритуал раннесредневекового погребального обряда, а также возможные причины разорения этого захоронения в древности. Проведен сравнительный анализ погребения в Осеберге с известными королевскими захоронениями Скандинавии и континентальной Европы. Увлекательно написанная история открытия, а также интерпретация находок из этого удивительного памятника будут полезны для понимания материальной и духовной культуры людей, живших в раннем Средневековье на территории современной Украины.

Руководитель проекта: *Г. Ю. Ивакин*, член-корреспондент НАН Украины,
доктор исторических наук,
профессор

Научный редактор: *А. П. Толочко*, член-корреспондент НАН Украины,
доктор исторических наук, профессор

Рецензент: *Ингмар Янссон* (Швеция)

Утверждено к изданию Ученым советом Института
археологии НАН Украины. Протокол № 5 от 1 июня 2017 г.

ISBN 978-617-7313-11-2

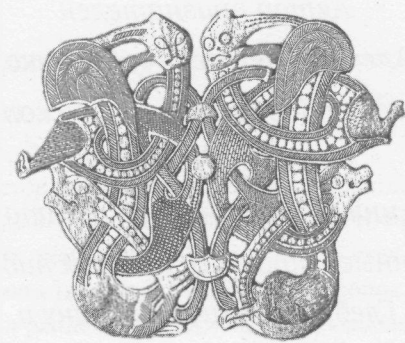
© Издательство Laurus, 2017

© Федор Андрощук, текст, 2017

© Андрей Будник, дизайн, 2017

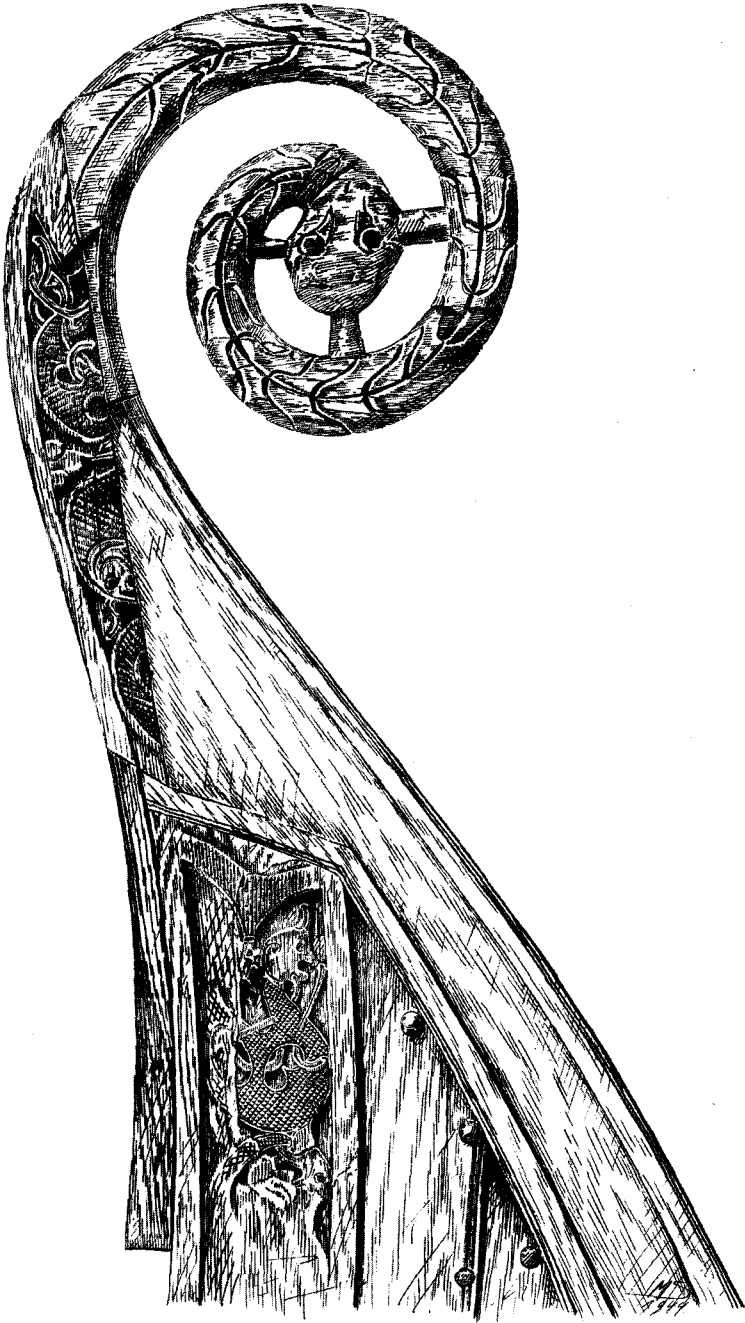
*Автор признателен
Алексею Петровичу Толочко,
Федору Борисовичу Успенскому
и Ингмару Янссону
за ценные замечания и комментарии,
высказанные в процессе работы над книгой,
Глебу Юрьевичу Ивакину и
Полине Владимировне Лавровой
за проявленный к книге интерес и
предоставленную возможность ее издания.*

*Моя особая благодарность
Алексею Евгеньевичу Шереметьеву
за оказанную финансовую помощь
для настоящего издания*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	9
История открытия Осеберга	11
Корабль и курган	16
В поисках конунгов и королев	21
Сколько же было захоронений?	29
Ритуал погребения	36
Мотивы и содержание изображений на коврах	44
Мотивы и содержание изображений на телеге	56
Искусство Осеберга	61
Королева или жрица?	71
Ритуальное ограбление кургана?	77
Об иранских связях Осеберга	87
Кто похоронен в Осеберге?	92
Комментарии	101
Источники и библиография	111
Перечень иллюстраций и их источников	118
Summary	121
Индекс	122

ВСТУПЛЕНИЕ

Прекрасно сохранившийся деревянный корабль, раскопанный более 100 лет назад в кургане Осеберг в Норвегии, является уникальным памятником кораблестроения, искусства и погребального обряда эпохи викингов. Курган считается королевским захоронением и стал символом начала национальной истории Норвегии — её «золотого века». Благодаря редкой сохранности обнаруженных артефактов, памятник в буквальном смысле представляет собой своеобразный слепок материальной и духовной культуры этого времени. Количество уникальных объектов, полученных из раскопок, настолько велико, что Осеберг буквально сразу же стал объектом национального значения и фокусом идентичности Норвегии. Материалы раскопок этого замечательного памятника были изданы за государственный счёт в пяти монументальных томах большого формата с золотым тиснением. Роскошное издание продемонстрировало причастность государства не только к исследованию и изданию этого археологического памятника, но и к обнародованию краеугольного камня прошлого, на котором зиждилась идея национальной гордости норвежцев, ведь курган был найден накануне расторжения шведско-норвежской унии и обретения Норвегией независимости в 1905 г.

Вместе с тем подобное роскошное издание стало определённым препятствием на пути книги к читателю. Во-первых, тираж дорогостоящей публикации был невелик, а во-вторых, сам формат тяжёлых книг был неудобен для чтения и работы, и таким образом издание оказалось малодоступным как для специалистов, так и обычных читателей.

Доступ любителей древностей к уникальному памятнику долгое время оставался ограниченным — вплоть до конца 1940-х гг. находки из Осеберга в полном объёме в музее не демонстрировались. Весьма характерно иллюстрирует сложившуюся ситуация статья, опубликованная 25 января 1947 г. в норвежской газете «Aftenposten». Речь шла о скандальном инциденте, произошедшем с прибывшим из Шотландии специалистом. Как оказалось, ему было отказано в ознакомлении с материалами раскопок Осеберга. Исследователь жаловался на отсутствие публикаций этого памятника международного значения и недоступность ранее изданных томов, которыми располагали только самые крупные библиотеки мира. Его негодование можно понять — ведь Осеберг принадлежит не только Норвегии, она лишь хранит его древности и обязана обеспечить доступ к нему для всего цивилизованного мира.

Единственная книга общего характера с характерным названием «Осеберг — погребение принцессы. Наше национальное археологическое сокровище в новом свете» вышла на норвежском языке только в 1992 г. Книга отражает норвежский взгляд на этот памятник, сформировавшийся под влиянием национального романтизма, норвежской культурно-исторической традиции и феминизма, ставшего общескандинавской приметой.

Несмотря на постоянное внимание исследователей к Осебергу, этот памятник по-прежнему полон загадок, во многом он не похож на другие королевские захоронения Северной Европы. О загадках Осеберга и их возможном решении и пойдёт речь в предлагаемой читателю книге.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ ОСЕБЕРГА

Общеизвестно, что вокруг курганов слагаются мифы. Места древних захоронений всегда привлекали людей своей таинственностью и несметными сокровищами. Однако Осеберг — редкое исключение. С ним совершенно не связаны легенды о сокрытых кладах прошлого. По словам Оскара Рома, владельца земли, на которой располагалась насыпь, в народе ходили слухи о том, что курган был просто чумным захоронением. Так что когда Оскар решил попытать счастья и задумал раскопать курган, никто из местных крестьян не горел особым желанием помочь ему. При помощи железного щупа Оскару удалось установить, что в кургане скрыта солидных размеров деревянная конструкция, а после подкопов кургана в отдельных местах стало понятно, что под насыпью покоится большой деревянный корабль...

Однако до проведения научной экспертизы его утверждение, что в кургане погребен корабль, оставалось только догадкой. В течение пяти августовских дней 1903 г. Оскар раскапывал курган, пока не достиг перекрытия деревянной камеры.

Неизвестно, как сложилась бы судьба замечательной находки, если бы не гражданское чувство и настойчивость Оскара Рома, в августе 1903 г. преодолевшего 100 км только ради одного — сообщить Университетскому Музею древностей в Христиании о находке захоронения в корабле. Крестьянин-земледелец Ром приехал очень некстати — музей находился в состоянии переезда, и у его директора Габриэля Густавссона не было ни времени, ни желания выслушивать фантастические рассказы посетителя. Вероятно,

предполагая такую реакцию, Оскар не замедлил продемонстрировать доказательства — дубовый фрагмент какого-то изделия, покрытый резьбой и инкрустированный серебром. Этот резной кусок дерева и положил начало археологическому исследованию кургана в Осеберге.

Стало очевидным, что в Осеберге найден уникальный археологический памятник, а после начала раскопок летом 1904 г. открылось огромное значение памятника, скорее даже — его исключительность, история его находки сразу же стала обрастать «свежими», порою фантастическими подробностями. К примеру, в 1948 г. бытовала и такая версия: Анна Оса Станг — представительница Крестьянского женского союза Вестфольда (Vestfold Bondekvinnelag) — рассказывала, что курган был обнаружен на территории владений семейной пары Йоханнеса и Ингрид. Сильно нуждаясь в деньгах, Йоханнес решил попытаться счастья и отправился на заработки в Америку. Там он встретил гадалку, которая посоветовала ему вернуться домой, поскольку в его владениях имеется богатств, больше, чем он может себе представить. Вернувшись домой, Йоханнес принялся пахать землю. Распахивая насыпь кургана, он обнаружил фрагмент резного дерева, однако не обратил на это должного внимания. Спустя какое-то время Йоханнес решил продать свою усадьбу. Новый хозяин также стал пахать, но был гораздо внимательнее и понял, что попавшееся и ему дерево есть не что иное, как мачта древнего корабля... Как бы там ни было, находка была сделана сознательным крестьянином, и теперь оставалось уладить все необходимые вопросы, связанные с её дальнейшим исследованием и сохранением.

С юридической точки зрения статус находки оставался неясным. До 7 июня 1905 г. в Норвегии действовал старый закон Кристиана V от 1752 г., касающийся всех находок, сделанных в земле. По существующему законодательству древности нельзя было продать за границу, но внутри страны владеть ими мог любой. Дабы опередить вероятного покупателя, археологам требовалось срочно

найти необходимую сумму. Деньги предоставило частное лицо, и земля с курганом была продана за 12 000 крон. Появилась возможность провести полноценные раскопки, которые и начались 13 июня 1904 г. Уже 23 июля докопались до кормы корабля, 2 августа расчистили его носовую часть, 3 августа — погребальную камеру, 16 августа обнаружили остатки тканей, а 21 сентября раскопки корабля были уже завершены. Через месяц, 22 октября началось аккуратное изъятие корабля из кургана, и 23 декабря он был успешно перевезён в Христианию.

Корабль и обнаруженные в нём находки нуждались в консервации и дальнейшем изучении. Всё это требовало огромных финансовых затрат и времени, а между тем находка уже успела получить мировую известность, и многие заграничные гости стремились её увидеть. Наконец, видя такие трудности, один молодой историк культуры из Швейцарии предложил инициировать международную кампанию по сбору средств для постройки музея находок Осеберга. В Норвегии предложение было встречено холодно. То, что норвежцы собственными усилиями не смогли собрать необходимую сумму для своей национальной реликвии, казалось им невыносимым позором. Пока решали вопрос с поиском финансирования для создания музея, возникла другая проблема — что делать с разрытым курганом?

Дело в том, что в течении двадцати лет после начала раскопок курган в Осеберге так и оставался разрытым, постепенно зарастая кустами и заполняясь мусором. Наконец летом 1925 г. место посетил норвежский писатель Якоб Хильдич, в возмущении написавший следующее:

Курган ... Осеберга был ограблен в древности. Но не только тогда. Я осмелюсь говорить это о тех учёных, которые раскопали курган и позволили ему остаться будто бы разорённым грабителями. Однако настоящие грабители, когда крали содержимое погребения, засыпали его после себя, а учёные нашего

времени опустошили его и оставили открытым, как зияющую рану в земле.

Вместе с художником Эйвиндом Сёренсоном Хильдич решил взять инициативу в свои руки и выступил с предложением облагородить курган следующим образом. Вычистив внутреннюю часть кургана, он предложил соорудить внутри помещение длиной 24 м, шириной 8 м и высотой 4 м с каменными стенами и мощным перекрытием. Внутри предполагалось разместить саркофаг с останками погребённых. В этом мемориальном проекте корабль со всем содержимым отсутствовал, что сознательно подчёркивало его второстепенное значение по отношению к основной святыне — важному и наиболее ценному из всех норвежских погребений. Однако проект не получил поддержки, более того — был охарактеризован ведущими норвежскими специалистами-археологами как «откровенная подделка» с точки зрения истории.

Нужно сказать, особой гордости норвежцам придавал тот факт, что в погребении были обнаружены останки женщин, одна из которых была провозглашена королевой. В 1946 г. женская ассоциация Вестфольда выступила с предложением восстановить курган в Осеберге и перезахоронить в нём останки найденных женщин. 31 октября 1946 г. Историческое Общество Вестфольда обратилось к Сенату Университета Осло с письменным изложением этой инициативы. Однако против категорически возражал профессор анатомии Кристиан Эмиль Шрайнер (1874–1957), которого возмутил сам факт серьёзного обсуждения подобного начинания:

В действительности мне не приходит в голову ничего более фальшивого, нежели поместить кости короля-викинга или королевы в каменный гроб в реконструированном кургане, на верху которого будет установлен погребальный камень. Если всё же скелеты двух женщин из корабля Осеберга должны быть перезахоронены, я бы рекомендовал поместить их туда, где они

были найдены, — внутрь корабля, который также должен быть возвращён в курган и захоронен со всеми предметами.

Несмотря на то, что точку зрения Шрайнера поддержали такие авторитетные норвежские археологи, как Гутторм Ессинг и Ян Петерсен, куратор музея и редактор издания об Осеберге профессор Антон Брёггер выступил с предложением перезахоронить останки в свинцовом ящике. В конце концов кости упаковали в алюминиевый ящик, который предполагалось опустить внутрь гранитного саркофага, изготовленного архитектором Карлом Бернером. 29 августа 1948 г. в присутствии принца Олава, директора Вестфольского исторического общества Христиана Линдбо и профессора Антона Брёггера состоялась торжественное перезахоронение останков в воссозданном кургане.

Счастливым для науки развитием истории с костями из Осеберга получила несколько лет назад благодаря не совсем этичному поступку профессора Шрайнера. Искренний противник перезахоронения останков, он всё же оставил у себя в лаборатории несколько костей обеих скелетов, и таким образом в распоряжение учёных попал уникальный материал для изучения. Были проведены исследования костей на современном техническом уровне и получены важные результаты анализов ДНК. В 2007 г. захороненные остатки были опять откопаны с целью новых исследований, их результаты пока не опубликованы.

Кроме важных антропологических изысканий в течение последних десятилетий было осуществлено изучение древесины Осеберга и установлены абсолютные порубочные даты для корабля (820 г.) и погребальной камеры (834 г.).

КОРАБЛЬ И КУРГАН

Курган Осеберг находится в приходе Слаген, хераде Сем (коммуна Тёнсберг) в провинции Вестфольд (рис. 1–2).

Насыпь расположена у небольшого ручья, в 3,5 км к западу от побережья Осло-фьорда, на высоте 15 м над уровнем моря. В сравнении с другими подобными монументальными сооружениями, видными отовсюду, насыпанными, как правило, на возвышенностях и окружёнными другими меньшими курганами, месторасположение Осеберга необычно. Курган «спрятан» от окружающих усадеб, он расположен у подножья склона, и ландшафт доминирует над ним. Это создает визуальный эффект сцены, где 1000 лет назад разыгрывалось театрализованное действие пышных похорон. Надо полагать, выбор такой топографии для захоронения не случаен, — в нём умышленно подчёркивается отсутствие видимой связи кургана с местами традиционного обитания людей.

Долгое время считалось, что название местности происходит от женского имени Оса (Ása) или же названия скандинавских богов — асов (æsir). Однако сейчас учёные склонны объяснять его древнесеверным словом ós, означавшим устье реки. Таким образом, ручей, всё ещё протекающий в 20 м от кургана, является важной деталью в реконструкции ландшафта, который существовал некогда вокруг этого памятника.

Первоначальный диаметр кургана составлял 40 м, а высота — 6,5 м. Насыпь кургана состояла из дёрна, который перекрывал корабль с захоронениями. Вначале насыпь кургана покрывала корабль не полностью, — под дёрном были скрыты только корма и погребальная камера (рис. 3).

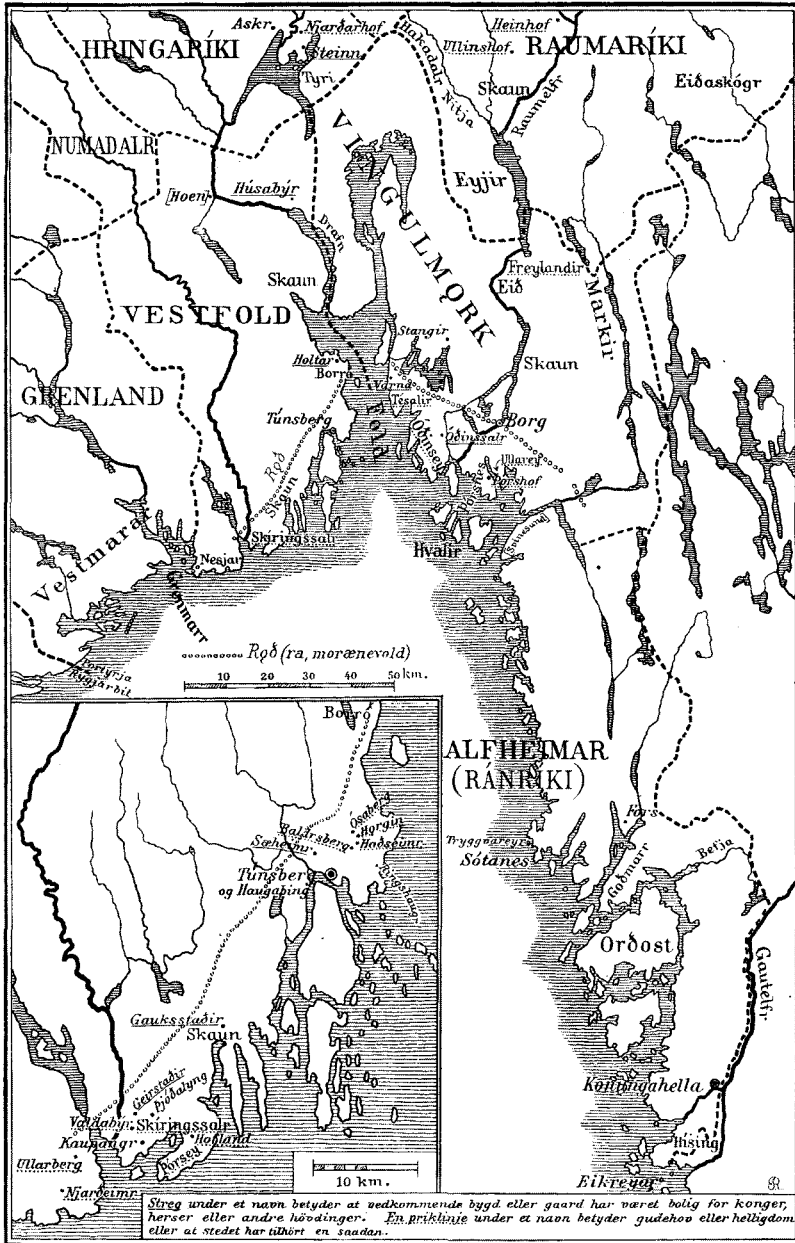
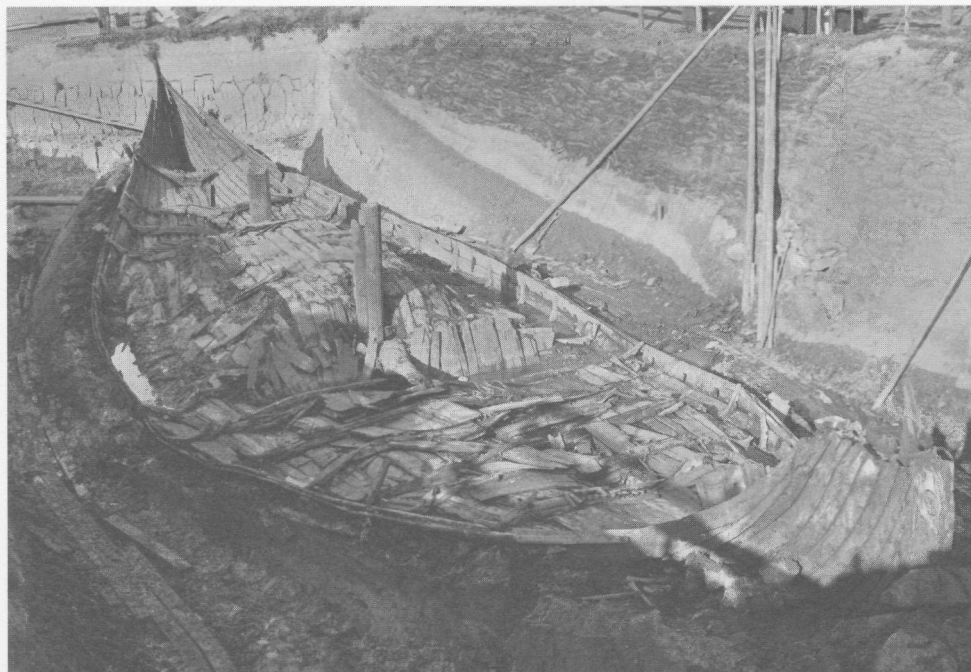

Рис. 1. Карта области Вук (no Refsdal 1910, p. 55)

*Рис. 2. Общій вид кургана и ландшафта
(по Løkken 2014, p. 70, fig. 4, фото Arve Kjershjem)*

*Рис. 3. Стратиграфия кургана, которая показывает, что курган был наполовину открыт. В стенке раскопа виден чёткий контраст между грунтом тёмного и светлого цвета, которые представляют два этапа сооружения насыпи. Светлый грунт — дёрн который был положен во время окончательного сооружения насыпи.
(no Osebergfundet I, fig. 89)*

Таким образом, прежде чем над захоронениями возвели монументальную насыпь, курган стоял некоторое время полуоткрытым, с выступающей наружу передней частью корабля.

Корабль длиной 21,5 м был установлен в направлении с севера на юг и имел 15 пар вёсел.

Чрезвычайно многообразны и во многом необычны оказались находки, сделанные внутри судна.

Внутренняя часть корабля разделялась на три сектора: ориентированный на юг носовой отсек, погребальная камера, расположен-

ная в центре, и, наконец, корма. В каждом секторе корабля находился особый набор предметов.

Так, на корме были размещены вещи главным образом кухонного назначения: два котла, два топора, нож, жерновые камни и три маленьких корыта. Здесь также были обнаружены части деревянной кровати, четыре весла и останки целого быка.

В деревянной погребальной камере обнаружены остатки кровати, трёх сундуков, а также ковши, вёдра, бочки, два прядильных станка, прядильная доска и четыре резных столба в виде голов фантастических зверей.

В носовой части размещались корабельное снаряжение и другие предметы, связанные с путешествиями и дорогой: якорь, вёсла, трап, сани и телега. Здесь же были найдены три кровати, один стул, две палатки, деревянная рама-каркас для помещения, пять резных столбов в виде голов фантастических зверей, а также скелеты как минимум десяти лошадей и четырёх собак. Ещё один скелет лошади обнаружен сразу за бортом носовой части корабля.

В ПОИСКАХ КОНУНГОВ И КОРОЛЕВ

Уже почти сто лет прошло с того времени, как скандинавские учёные предприняли первые попытки связать известные им курганы с упомянутыми в письменных источниках местами захоронения королей. Особенно плодовитыми авторами таких интерпретаций были шведский археолог Биргер Нерман и его норвежский современник Антон Брёггер. Основанием же для уверенных выводов стали скальдическая поэма «Перечень Инглингов», сочинённая Тьёдольвом из Хвинира в IX в., а также «Сага об Инглингах» исландца Снорри Стурлусона, датированная примерно 1230 г. В них идёт речь о легендарных королях, описывается их смерть, а также указываются места захоронений.

Так, по глубокому убеждению Нермана, в восточном кургане Старой Упсалы в Швеции был захоронен конунг Аун, в западном — конунг Адильс, а в центральном, нераскопанном кургане — Эгиль. Легендарный Оттар принадлежал поколению, жившему между Эгилем и Адильсом, и по убеждению исследователя должен был быть похоронен в кургане Оттара, расположенном в приходе Вендель шведской провинции Уппланд.

Вдохновлённый идеями Нермана, Брёггер утверждал, что курганы в норвежском Борре — это могилы упомянутых в «Перечне Инглингов» конунгов Эйстейна Хальвдассона (735/760), Хальвдана Щедрого (790/800) и Гудрёда (800/830). В свою очередь, местами захоронений конунгов Олава Гейрстад-Альва (ок. 870) и Хальвдана Чёрного (ок. 858/875) считались Гейрстад и Стейн.

В достоверности письменных источников долгое время никто не сомневался, но вот около тридцати лет назад норвежский исто-

рик Клаус Краг пришёл к выводу о более позднем, чем считалось, происхождении «Перечня Инглингов». По его мнению, этой поэме присущи идеи и концепции, совершенно не характерные для IX в. Например, идея о связи норвежских королей с династией Инглингов была актуальна для норвежских политических амбиций конца XII в. В то время норвежские короли столкнулись с претензиями на часть Норвегии датского короля. Для оправдания норвежских претензий на область Вик и была создана поэма, умышленно имитирующая древнее поэтическое произведение, которое должно было связать род Харальда Прекрасноволосого с легендарными Инглингами и таким образом возвеличить его наследников.

Подозрительным выглядело также и то, что о легендарных предках норвежских королей ничего не знают другие авторитетные источники. Например, исландский историк Сэмунд Мудрый (1056–1133) знал только отца Харальда Прекрасноволосого, Хальвдана Чёрного, и Гудрёда — его деда по материнской линии. Собственно о связи норвежских королей с династией Инглингов впервые говорится в генеалогических перечнях «Книги об исландцах» Ари Мудрого (1067/68–1148), а также латиноязычном произведении неизвестного автора *Historia Norvegiae*, относимого ко второй половине XII в.

Впрочем, выводы Клауса Крага вызвали возражение у некоторых филологов и археологов. Наиболее конструктивной оказалась критика археолога Дагфина Скре, который на основании археологического материала показал реальность связей между резиденцией Инглингов Упсалой и Вестфольдом. Например, в Хусебю, в Тйёльнесе, недалеко от Каупанга им был исследован большой дом — аристократическая резиденция, сооружённая на возвышенной платформе. Аналогичные платформы известны в Старой Упсале — центре шведских королей.

Несмотря на подтверждённые археологами связи между шведской Упсалой и норвежским Вестфольдом, всё же нет достаточных оснований для отождествления мест захоронений героев саг с сохранившимися до нашего времени курганами.

Критический анализ находок из норвежских «королевских курганов» позволил пересмотреть интерпретацию, предложенную Антоном Брёггером. Оказалось, что эти курганы относятся к другим периодам, а совсем не к предполагаемому времени жизни легендарных конунгов.

Антон Брёггер был первым, кто заявил, что в кургане Осеберга похоронена королева Оса, мать конунга Хальвдана Чёрного. О ней мы знаем крайне мало. Оса — единственная женщина, которая упоминается в «Перечене Инглингов». В нём довольно кратко говорится, о том, что раб Осы убил на пиру в Стивлусунде её мужа Гудрёда. К XIII в. роль Осы в смерти Гудрёда обросла более драматичными подробностями, которые изложил Снорри Стурлусон в своей «Саге об Инглингах». Согласно Снорри, король Гудрёд Великолепный послал сватов в Агдир к конунгу Харальду Рыжебородому, желая жениться на его дочери. Однако тот отказал. В отместку Гудрёд организовал поход, убил Харальда и его сына и насильно увёз к себе Осу, сыграв с ней свадьбу. Оса решила отомстить, и во время пира в Стивлусунде подосланный ею раб убил Гудрёда. В «Саге о Хальвдане Чёрном» Снорри говорит, что сразу же после убийства мужа Оса уехала обратно в Агдир, где жила со своим сыном Хальвданом Чёрным. Вот, собственно, и всё, что известно об Осе. В рассказе Снорри она изображена как женщина с сильным волевым характером, для которой честь рода является выше социального статуса. Этим Оса во многом соответствует формировавшемуся в 1900-х гг. феминистическому идеалу скандинавской женщины. Тем не менее письменные источники ничего не говорят о возвращении Осы в Вестфольд, и в этом заключается одно из слабых мест предложенной гипотезы.

Таким образом, единственным основанием для интерпретации захоронения в Осеберге была предполагаемая связь между именем королевы и названием двора. Конечно, находка женских останков в кургане выглядела многообещающим подкреплени-

ем такого предположения. Однако их антропологическое определение, как оказалось, не принесло ясных и однозначных выводов.

Дело в том, что уже после предварительных антропологических исследований выяснилось, что в корабле находились останки не одной, а двух женщин — постарше и помоложе (рис. 4). Какая же из них была принцессой Осой?

Во время раскопок установили, что костяк старшей женщины был обнаружен в грабительском ходе. Неразгаданным оставался вопрос о том, почему у обеих женщин отсутствуют некоторые кости. Ведь великолепная сохранность органических остатков этого захоронения в ладье исключает возможность разрушения костной ткани под влиянием естественных процессов разложения. Исследователи начали фантазировать, что на этих частях тела, возможно, находились драгоценные украшения, в древности украденные грабителями вместе с костями. Вот что писал Брёггер о старшей из женщин:

На правой руке имелись ценные украшения; на пальцах левой были кольца, а на предплечье левой руки можно предполагать большой золотой браслет.

Таким образом, именно эту женщину первоначально считали принцессой. Подобная точка зрения оказала влияние и на интерпретацию останков антропологами. Так, Густав Адольф Гульдберг, исследовавший останки, писал:

Кто из этих двух особей мог быть принцессой, захороненной здесь с таким богатым инвентарём и пышностью, установить, основываясь на находках скелетов, невозможно. Мы можем предложить несколько версий, но они будут иметь только гипотетический характер. В частности, есть основания считать, что старшая женщина... имела определённый

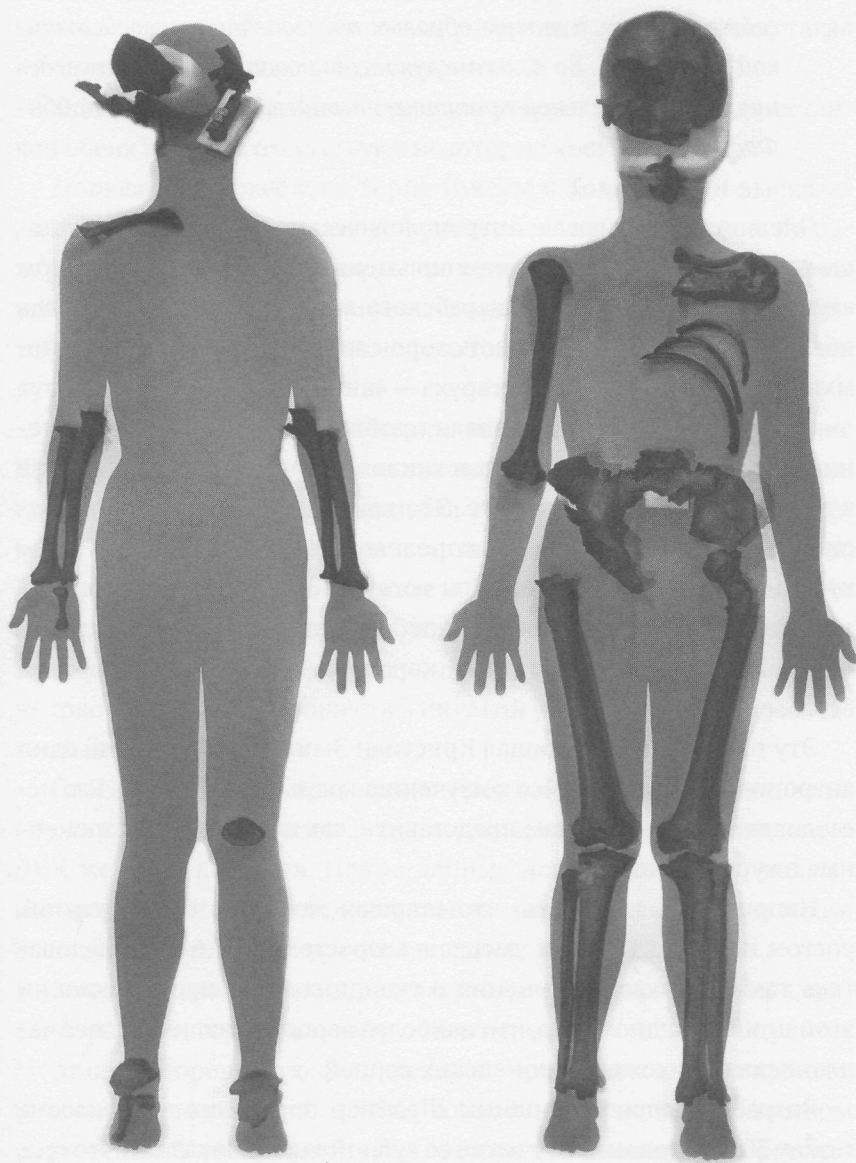

Рис. 4. Скелеты женщин, обнаруженных в погребении кургана в Осеберге
(фото Johnsen, Eirik Irgens, © Kulturhistorisk museum)

статус, в то время как вторая была её служанкой, принесшей себя в жертву, и таким образом последовала за своей хозяйкой на смерть. Во всяком случае, это соответствует сведениям о погребальной практике, засвидетельствованной ибн-Фадланом в X в.

Очевидно, что первые антропологические наблюдения полностью находились под влиянием письменных источников, в данном случае речь идёт о рассказе арабского автора начала X в. Ахмада ибн-Фадлана, где в описании похорон знатного руса на Волге упомянуты молодая невеста и старуха — «ангел смерти».

Однако здесь возникла новая проблема — дальнейшее изучение костей показало, что эта пожилая женщина была привычна к тяжёлой физической работе. Это как-то мало вязалось с представлениями о королевах, и королевой стали считать другую — женщину 25–40 лет, фрагменты останков которой были обнаружены в погребальной камере корабля. Теперь рассуждали таким образом: младшая женщина — королева, а пожилая, вероятнее всего, её рабыня.

Эту точку зрения защищал Кристиан Эмиль Шрайнер, ещё один антрополог, обратившийся к изучению костей из Осеберга. Его исследования помогают нам представить, как выглядели захороненные в кургане женщины.

Например, выяснилось, что старшая женщина была сутулой, ростом не выше 150 см и умерла в возрасте 60–70 лет. Исследователь также высказал сомнения в скандинавском происхождении этой особы, предположив, что наиболее вероятно наличие у неё лапландских или южно-европейских корней.

Возраст младшей женщины Шрайнер определил в диапазоне между 30 и 40 годами. Изучение её зубной эмали показало, что она, скорее всего, пользовалась зубочистками, что подчёркивало её высокий социальный статус и подтверждало гипотезу о принадлежности к королевскому роду.

Долгое время, несмотря на ряд неразрешённых вопросов, связанных с историей сооружения и разорения этого кургана, такая интерпретация оставалась общепринятой.

Однако неразгаданным оставался вопрос: почему среди останков обеих женщин отсутствуют некоторые кости?

Норвежские археологи Терье Гансум и Томас Рисан высказали предположение, что первой умерла младшая женщина. До захоронения она находилась во временной могиле и за это время успела порядочно разложиться. Старшая же женщина была убита в ритуальных целях позже, поэтому её останки сохранились лучше.

В этой связи следует вспомнить несколько циничное замечание Шрайнера о том, что в роли «жертвы» эта маленькая, сгорбленная, с хроническим артритом, беззубая старуха представляется маловероятной, — слишком мала и незначительна она в своей роли. Вспомним также, что в рассказе ибн-Фадлана жертвой является молодая девушка, а не старуха, и это, конечно, не случайно. Вывод о том, что она была вёльва, т. е. провидица, и поэтому занимала высокое положение в обществе, никакой убедительной аргументацией не подкреплён.

Совсем недавно норвежскими учеными были осуществлены новые комплексные исследования и впервые проведено изучение ДНК женских костяков. Новые данные позволили внести ряд существенных деталей в представления о том, как выглядели и кем были захороненные в кургане женщины.

Согласно полученным результатам, старшая женщина страдала редким гормональным заболеванием — т. н. синдромом Морганьи-Морель-Стюарта, которое проявляется в ожирении, утолщении внутренней стенки лобной кости и патологическом оволосении. У этой женщины выявлены также следы прогрессивной формы рака.

С другой стороны, выяснилось, что младшая особа не так уж молода: на момент смерти ей было около 50 лет. Установили, что

обе женщины в своём повседневном рационе употребляли больше мяса, нежели рыбы.

Наконец, результаты исследования ДНК женских костяков неожиданно и окончательно разрушили выдвигавшиеся ранее теории об Осеберге как месте захоронения королевы Осы. Ведь оказалось, что младшая женщина происходит совсем не из Скандинавии, а из района Причерноморья, или же, возможно, с территории современного Ирана. А старшая, судя по многочисленным патологиям, явно не соответствует ни эстетическим, ни физическим критериям королевы.

Всё это в совокупности лишило Осеберг романтической теории о захороненной в нем скандинавской правительнице. Судя по тому, что в норвежской археологии до сих пор не появилось никаких новых идей, надо полагать, что интерпретация Осеберга как захоронения королевы зашла в тупик...

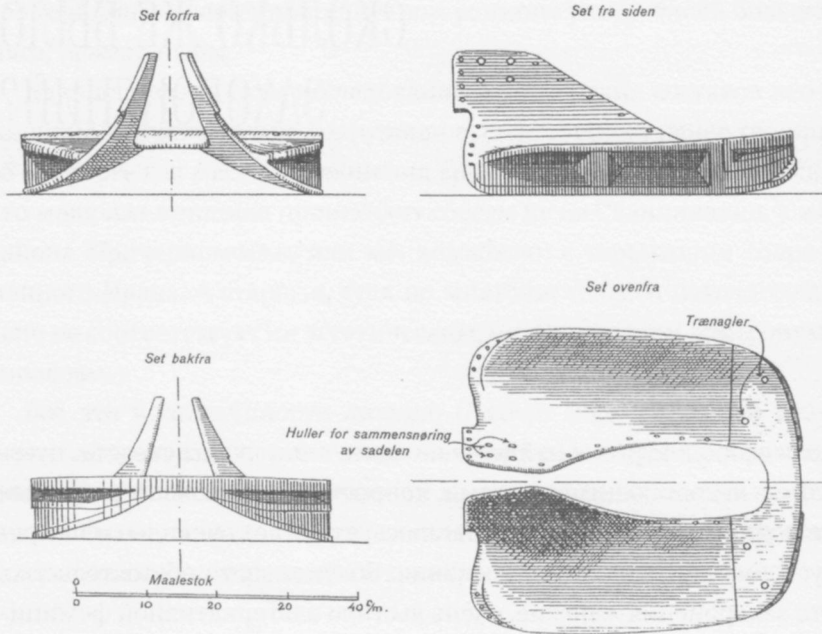
СКОЛЬКО ЖЕ БЫЛО ЗАХОРОНЕНИЙ?

Коль скоро в кургане найдены не один, а целых два скелета, пусть даже с недостающими костями, вопрос о количестве погребённых не поднимался. Ведь предполагалось, что ответ очевиден и не требует дополнительного обсуждения. Более того, то обстоятельство, что захоронения женские, очень льстило альтернативной феминистической перспективе изучения прошлого, история которого прежде писалась преимущественно с точки зрения историков-мужчин. Образ властной, сильной и независимой королевы Осы как нельзя лучше подходил к политкорректным представлениям об активной роли женщины в современном обществе. Поэтому не случайно именно Женский крестьянский союз выступил с инициативой перезахоронения останков «королевы Осы» и сооружения памятного кургана на месте её погребения в Осеберге. С того времени Осеберг стал в некотором смысле «священной коровой» и источником вдохновения большинства работ жанра феминистической археологии.

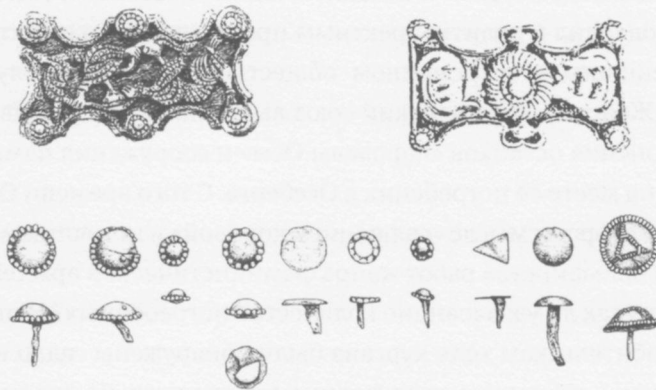
Однако так ли уж очевидно количество погребённых? Напомню, что в грабительском ходе кургана были обнаружены седло и детали уздечки — предметы, характерные исключительно для мужских погребений (рис. 5).

В современном мире женщина, занимающаяся конным спортом, или просто наездница-любитель — обычное явление. Никого этим не удивишь. Но в эпоху викингов наездницы допускались только

ОСЕБЕРГ. ЗАГАДКИ КОРОЛЕВСКОГО КУРГАНА

a

b

Рис. 5: a — седло из Осеберга (no Osebergfundet II, fig. 89, Pl. XVIII),
 b — бантовидные и круглые орнаментированные накладки сбруи
 из Осеберга (no Christensen et al. 1992, p. 96–97)

в одном случае — если они были мифологическими валькириями. Так что же делают эти мужские вещи в женском погребении?

Шведская исследовательница Элизабет Арвиль-Нордبلاد считает, что обнаруженные в корабле предметы символизируют различные области женских занятий, и только так называемые «коммуникационные артефакты» — корабль, телега, сани и седло — могли принадлежать как мужчинам, так и женщинам. В этой связи возникает закономерный вопрос, а какие предметы вообще могут служить индикаторами пола?

В обществе эпохи викингов существовало строгое распределение социальных ролей по половому признаку. Например, этим принципом руководствовались скальды, конструируя специфичные поэтические метафоры — т. н. кеннинги. Вот как об этом сказано в Младшей Эдде:

Какие есть кеннинги мужа? Его называют по его делам, по тому, что он совершает, принимает либо делает. Можно называть его и по тому имуществу, которым он владеет или одаривает, а также и по его предкам либо потомкам. Как же обозначать его посредством всего этого? Называя его «сделавшим либо свершившим что-либо» и упоминая при этом путешествия его либо другие дела, битвы, морские походы, охоту, оружие и корабли. А так как зовется он «испытателем оружия и вершителем битв», а слова «испытатель» и «вершитель» созвучны названиям деревьев, скальды, сообразуясь с этим, зовут человека «ясенем», либо «кленом», либо «лесом», либо другими словами мужского рода, обозначающими деревья, соединяя их со словами «битва», «корабль», «богатство». Правильно обозначать человека и всеми хейти¹ асов. Называют его и посредством хейти великанов, но это обычно либо насмешка, либо злословие. Не возбраняется называть его и именами альвов.

¹ Хейти — синонимичные названия, использовавшиеся в древнесеверной поэзии.

Женщину следует обозначать по всяким женским нарядам, золоту и драгоценным камням, пиву, вину и другим напиткам, которые она подает либо подносит, а также по чашам и всему тому, что подобает ей делать или совершать. Ее правильно обозначать, называя «дарительницей» либо «расточительницей» всего того, что она раздает. Но слова эти созвучны словам «ива» и «роща». Поэтому в кеннингах женщин применяются все названия деревьев женского рода. А по драгоценным камням либо самоцветам называют ее потому, что в древние времена женщины носили на шее такой убор — ожерелье с камнями. Поэтому теперь применяются кеннинги, в которых к обозначению женщины прибавляют слово «камень» или любое хейти камня. Женщину также называют именами всех богинь, валькирий, норн и дис. Правильно называть женщину и по ее занятиям, имуществу либо роду.

Младшая Эдда, стр. 39

Следовательно, интерпретируя находки погребения в Осеберге, мы должны учитывать особенности древнесеверной ментальности. Женские погребения в лодках и коробах телег не являются редкостью в Скандинавии, однако находки седел и конской упряжи в женских погребениях неизвестны. Поэтому металлические накладки на уздечку, обнаруженные в погребении в Осеберге, вызывают исключительный интерес (рис. 5b).

Дело в том, что накладки такого типа являются довольно редкими, кроме Осеберга они известны ещё только в двенадцати местах. Они были обнаружены в ряде погребений с элементами конского снаряжения и/или оружия. Это даёт основания предполагать наличие в этих захоронениях по крайней мере одного мужчины.

Находки подобных накладок образуют две группы — раннюю, датированную IX в., и позднюю, относимую к X в. Ранние накладки орнаментированы в типичном для этого времени стиле «хватящего зверя», в то время как поздние обнаружены в сочетании

Рис. 6. Пара кожаной обуви из захоронения кургана в Осеберге
(© Kulturhistorisk museum)

с предметами, украшенными в обычном для X в. стиле Борре. К сожалению, только в трёх случаях антропологи смогли определить пол захороненных с такими накладками. В одном погребении из Готланда были выявлены останки взрослого мужчины. Кроме Осеберга с двумя женскими костяками, наличие женщины было предположено и в одном из погребений Бирки. Однако основанием послужил только один-единственный фрагмент черепа (*protuberantia occipitalis*).

Обычно определение пола в погребениях по обряду кремации довольно ненадёжны. Поставленный однажды эксперимент показал, что два антрополога могут прийти к совершенно различным результатам, которые будут зависеть от степени их осведомлённости о предметах, входящих в состав погребального инвентаря.

Находка же седла в погребальной камере захоронения в Осеберге — явный индикатор того, что среди погребённых должен был быть мужчина.

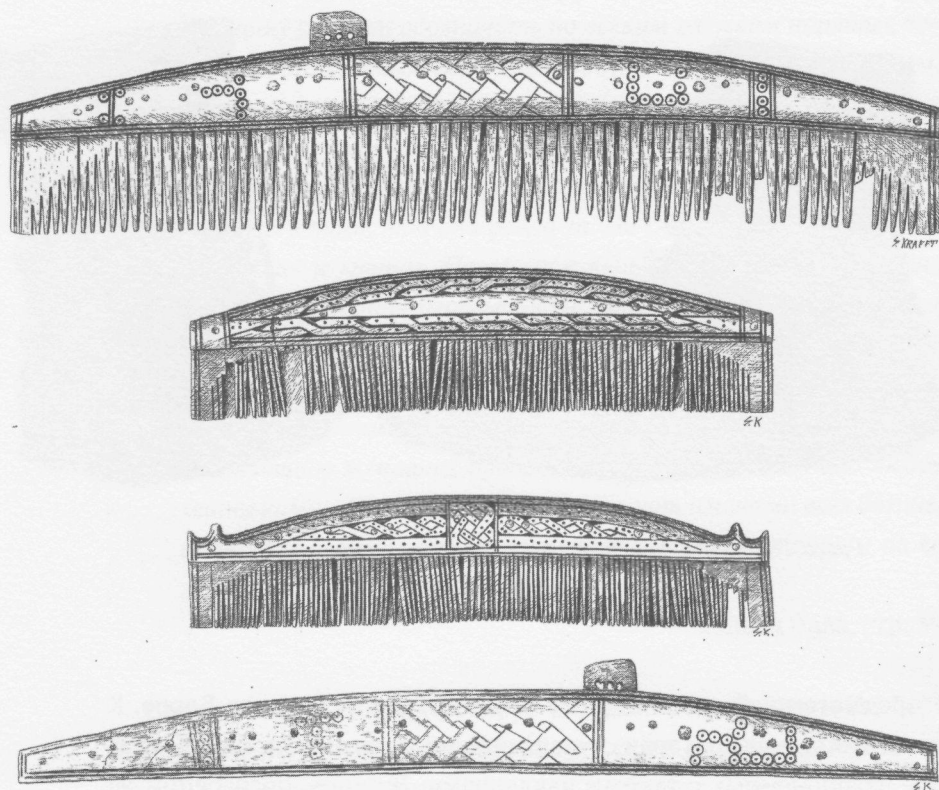

Рис. 7. Гребни из захоронения кургана в Осеберге
(© Kulturhistorisk museum)

Ближайшей по времени и статусу аналогией является известное мужское погребение в ладье в Гокстаде (Норвегия), где также были обнаружены седло и уздечка.

Интересно, что на камнях-картинах Готланда VIII–XI вв. нет ни одного изображения женщины верхом на коне, и это, конечно, не случайно. Присмотримся и к другим свидетельствам, которые говорят о существовании третьего — мужского — захоронения в погребении в Осеберге.

СКОЛЬКО ЖЕ БЫЛО ЗАХОРОНЕНИЙ?

К примеру, обратим внимание на остатки кожаной обуви (рис.6).

Кроме двух пар кожаных башмаков археологи обнаружили подошву из двойной хорошо выделанной кожи, а также другие фрагменты кожи. В корабле также обнаружены три гребня и фрагмент четвёртого (рис. 7).

Один из гребней довольно большой — 36 см и, скорее всего, предназначался для расчёсывания гривы лошадей. Такие гребни нам известны по некоторым погребениям могильника Бирки. Три же остальных гребня, скорее всего, принадлежали трём погребённым в кургане людям.

Необходимо также упомянуть две палатки и также каркас для «хижины» (*gamverk till ett hus*), расположенные в носовой части корабля. Надо полагать, что до перенесения на корабль тела трёх человек размещались в палатках и хижине.

РИТУАЛ ПОГРЕБЕНИЯ

Я уже упоминал предположение о том, что предметы, сгруппированные в разных частях корабля, символизируют различные области женских занятий. Можно согласиться с тем, что они отражают различные виды деятельности, но не это главное. Наиболее важным представляется то, что расположение предметов отражает порядок, в котором они использовались во время погребальной церемонии.

Сперва использовались предметы, связанные с приготовлением пищи. Они были расположены в кормовой части корабля. Здесь также был принесён в жертву бык (рис. 8).

Затем в центральной части корабля была установлена кровать с подушками, помещены умершие, внесены ковры, личные вещи и различные сосуды. В восточной части погребальной камеры был поставлен большой обитый железом дубовый сундук с двумя лампами, гребнем, ножницами и другими рабочими инструментами. Рядом разместили ещё один сундук, содержимое которого нам неизвестно, поскольку он был взломан и опустошён грабителями. Рядом находилось маленькое ведёрко ирландского происхождения с медными обручами и эмалированной ручкой. У южной стены камеры поставили маленький дубовый сундук и ведро с железными обручами, у западной — большие и маленькие ёмкости для воды, а также деревянную палатку. У двух стен камеры лежало по паре столбов с резными головами зверей с крюками и инструментами для управления лошадьми — так называемыми «ранглерами»².

² Норв. rangler — металлические погремушки.

РИТУАЛ ПОГРЕБЕНИЯ

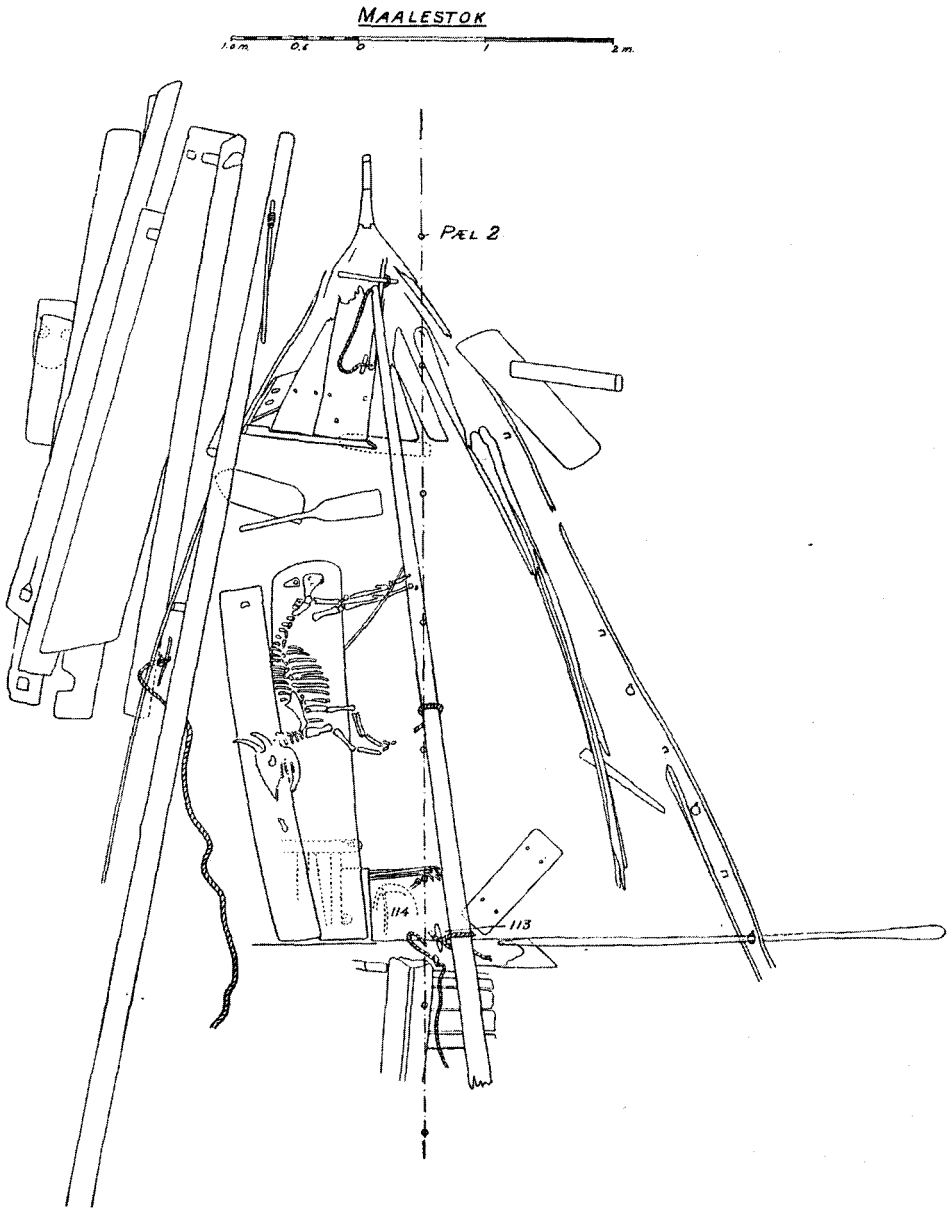

Рис. 8. Останки принесённого в жертву быка, обнаруженные в кормовой части корабля (по Osebergfundet I, Pl. XII)

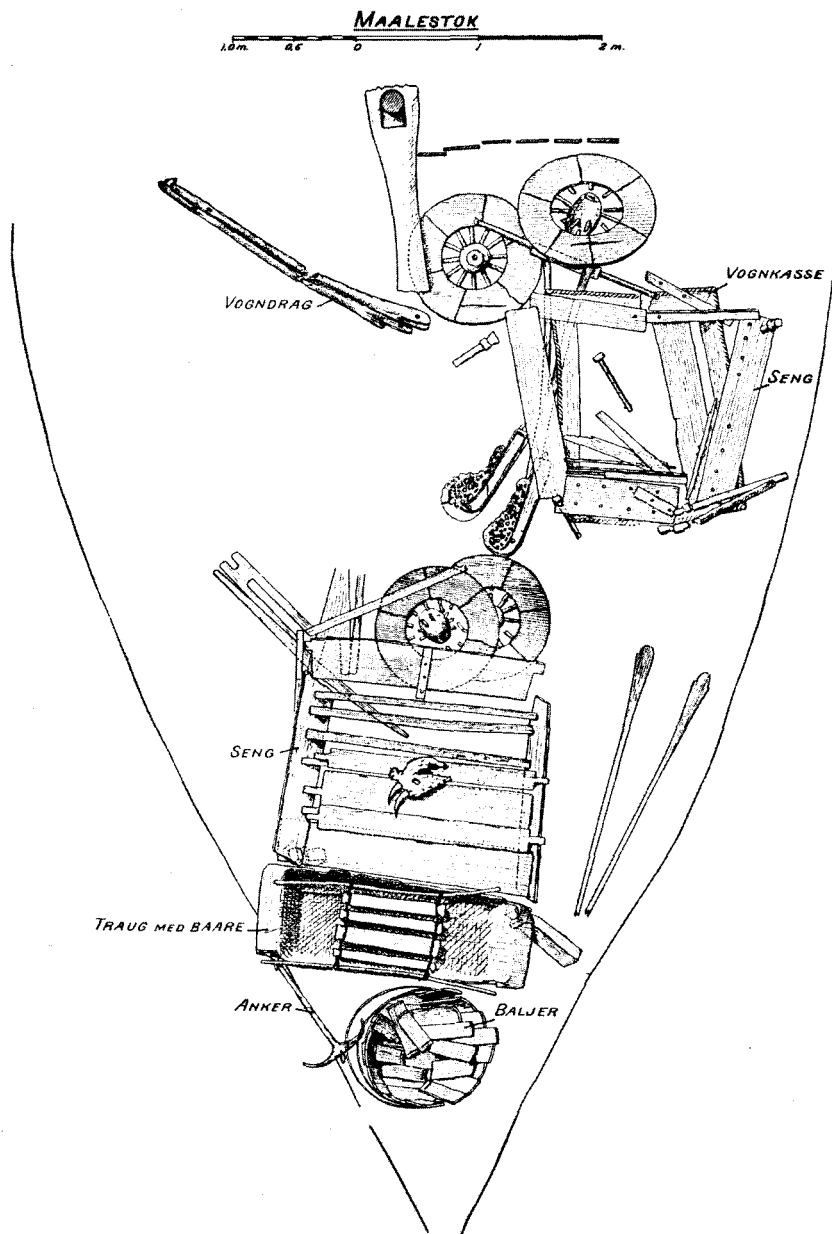

Рис. 9. Месторасположения телеги, кроватей, корыта с носилками, бочек, вёсел и якоря в носовой части корабля (по Osebergfundet I, Pl. XIV)

Здесь также разместили три ткацких станка, на которых, видимо, были изготовлены ковры. После того как все предметы были расставлены, участники погребальной церемонии соорудили деревянную камеру. О том, что погребальная камера была построена позднее, говорит отсутствие в ней входа, а также небрежность конструкции.

После постройки погребальной камеры занялись установкой предметов в носовой части корабля. Здесь размещались телега, четверо саней, три кровати, две палатки, каркас для «хижины» и трап (рис. 9).

На корабле находились три большие кровати со столбами, украшенными резными головами фантастических зверей, а также три маленьких кровати.

Заключительным этапом было принесение в жертву 13 лошадей и двух собак, которые были брошены поверх предметов в носовой части корабля и за его борт.

Наконец, следует упомянуть о еще одной существенной детали ритуала: форштевень корабля привязали к каменному блоку и забросали корабль камнями (рис. 10).

Её смысл объясняется в «Саге о Гисли» в сцене похорон Торгрима:

Потом они приготавливают все к погребению и кладут Торгрима на корабль. Вот насыпают они курган по древнему обычаю, и осталось только закрыть его. Тогда Гисли идет к речному устью, берет там огромный, как скала, камень и взваливает его на корабль. Кажется, подалась под камнем каждая досочка, и корабль весь затрещал. Гисли сказал:

— Я не умею ставить корабль, если этот унесет ветром.

Сага о Гисли, XVII

(Исландские саги. Ирландский эпос.

М.: Художественная литература, 1973).

*Рис. 10. Форштевень корабля привязан к каменному блоку
(по Osebergfundet I, fig.31)*

Таким образом, очевидно, что, привязывая корабль к камню и забрасывая его камнями, люди хотели быть уверенными в том, что корабль со всем его содержимым не покинет место захоронения и навсегда останется в бывших владениях короля. Считалось, что если конунг при жизни был удачливым и счастливым, благополучны будут его подданные и владения. Таким считали, например, конунга Хальвдана Чёрного — отца Харальда Прекрасноволосого. Свою харизму правитель сохранял и после смерти: тело Хальвдана было разделено на четыре части и захоронено в курганах в четырёх разных провинциях Норвегии, чтобы народ равномерно мог воспользоваться его везением.

Подтверждение тому, что расположение предметов в корабле отражает последовательность их использования в ритуале захоронения, можно найти в упомянутой записке ибн-Фадлана, где читаем рассказ о похоронах знатного руса на Волге около 922 г. Все описанные арабским путешественником действия можно разделить на несколько этапов:

1. Умершего помещали в яму на десять дней и перекрывали её настилом.
2. Его имущество распределяли, выбирали «невесту» и шили одежды для покойника.
3. Устанавливали корабль на специально сооружённом подиуме.
4. Сооружали на корабле деревянную «хижину», покрывали её тканью. Устанавливали внутри «хижины» скамьи с матрасами, украшенными византийской парчой, а также подушками, сшитыми из такой же парчи.
5. Извлекали тело из ямы и облачали его в погребальные одежды.
6. Усаживали покойника на скамье в деревянной «хижине», размещали перед ним еду и питьё.
7. Приносили в жертву собаку, рассечённое тело которой бросали в корабль.
8. Размещали рядом с покойником оружие.

9. Приносили в жертву две лошади, две коровы, петуха и курицу.

10. Девушка — «невеста» покойника посещала шатры разных мужчин, где предавалась с ними любви.

11. С заходом солнца девушка символически заглядывала через «ворота смерти».

12. «Невеста» приносила в жертву курицу, которую она бросала на корабль.

13. Девушку подводили к кораблю, где она отдавала все свои украшения старухе, названной «ангелом смерти», а также двум дочерям старухи — помощницам.

14. Девушка выпивала хмельной напиток и пела.

15. «Ангел смерти» провожала девушку на корабль, где в деревянном помещении укладывала её подле покойника.

16. Шесть мужчин из числа родственников покойника предавались любви с «невестой» в деревянном помещении.

17. Мужчины удушали «невесту» верёвкой, одновременно «ангел смерти» наносил ей смертельные удары ножом.

18. Корабль поджигался.

19. Сооружалась погребальная насыпь и устанавливался памятный столб.

Объем и последовательность ритуальных действий доказывают, что подготовка к погребению занимала довольно много времени. Оно уходило на шитье погребальной одежды, а также сбор необходимого для погребения инвентаря. Ибн-Фадлан говорит о десяти днях подготовки к погребению, запланированному к закату солнца десятого дня.

Как представляется, в случае с погребением в Осеберге требовалось гораздо больше времени. Сохранившиеся в корабле ткацкие станки дают основание предполагать об их участии в подготовке к похоронам. На них, скорее всего, были изготовлены ковры, помещённые затем в погребальную камеру.

Исследование органических остатков установило, что погребение произошло в августе или начале сентября. Однако находка в корабле саней, а также ледоходных шипов для лошадей, возможно, указывает на то, что смерть случилась в зимнюю пору. Дендродатирование корабля и погребальной камеры дали совершенно разные даты — 820 и 834 г. соответственно. Такой разброс дат может говорить либо о том, что в похоронах был задействован старый корабль, либо о том, что на подготовку всей погребальной процессии могло быть затрачено несколько лет, что, впрочем, представляется маловероятным.

Здесь необходимо напомнить читателю, что внимательное изучение слоёв грунта, из которых было сложено «тело» кургана, показало, что какое-то время носовая часть корабля оставалась открытой. Если это действительно было так, то следует предполагать довольно плохую сохранность останков покойников. Скорее всего, ко времени сооружения окончательной насыпи их тела полностью разложились. Во всяком случае, совершенно неизвестно, в каком состоянии находились останки, когда их переносили для захоронения на корабль.

МОТИВЫ И СОДЕРЖАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА КОВРАХ

Так сложилось, что толкование изображений, сохранившихся на коврах из Осеберга, всегда зависело от интерпретации социального статуса погребенного в кургане человека. Так, Гуторм Гессинг обратил внимание на то, что в окрестностях Осеберга известно несколько сакральных топонимов — *Basberg*, т. е. «гора Бальдра», *Norgen* — место жертвоприношений. Это, по его мнению, указывает на то, что в кургане захоронена *hofgudja* — языческая жрица. Исследователь усматривал связь погребенной с культом богини Фрейи, отчетливо проступающую, как ему представлялось, в мотивах украшения опорных столбов кровати (резных конских головах), а также в том, что в жертву оказались принесены лошади, захороненные затем в кургане. Позже эта интерпретация получила дальнейшее развитие в идее, согласно которой корабль, телега, шумящие ранглеры-погремушки для лошадей, найденные в кургане медные лампы и изображения ковров также связаны с культом Фрейи (см. раздел «Королева или жрица»).

Надо сказать, что объективную интерпретацию изображений затрудняет плохая сохранность ковров. По мнению некоторых учёных, фрагменты принадлежат двум коврам. Наиболее распространёнными на этих лоскутах являются изображения людей и лошадей. Существует несколько вариантов толкования представленных на них мифологических образов и сюжетов.

Например, Бьёрн Хауген обратил внимание на то, что одежда мужских фигурок более разнообразна, нежели женских. Ева-Мария Йёранссон сделала попытку классифицировать антропоморфные

Рис. 11. Фрагмент ковра №1 (по Kraft 1955, p. 30)

фигурки исходя из таких критериев, как тип одежды, причёски, телодвижения и жесты. В результате такого подхода ей удалось значительно увеличить количество фигур, которые, на её взгляд, изображали женщин. По её мнению, они иллюстрируют различные сферы женской деятельности. Таким образом, её толкование вполне соответствует общепринятой интерпретации захоронения в Осеберге как исключительно женского.

Много мотивов, вероятно, связаны с шаманскими ритуальными действиями и мифологией. Известно, что во время таких ри-

туалов шаманы использовали женскую одежду, звериные маски и шкуры зверей.

Существует также определённая связь между мотивами ковров и сохранившимися текстами Эдды. В целом, мотивы образуют две сюжетные группы — одна мифологического содержания, а другая изображает погребальную процессию.

Взглянем на некоторые сохранившиеся фрагменты ковров.

На фрагменте 1 (рис. 11) мы видим процессию, состоящую из всадников, запряжённой телеги и шествующих антропоморфных фигур.

Изображения одной группы людей представляет собой, вероятно, мужчин. Они одеты в короткие куртки и широкие штаны. Мужчины изображены верхом на лошадях, они управляют повозками, а также шагают с копьями. Одна фигурка изображена с разведёнными в сторону руками, в одной из них — меч. Меч представляет собой клинок с односторонним лезвием, прямыми перекрестием и навершием. Такие мечи с односторонними лезвиями — характерная особенность именно норвежского оружия ранней эпохи викингов.

Вторая группа фигур одета в длинные платья, накидки и представляет, вне сомнения, женщин. Одна из них держит перед собой предмет, напоминающий лампу, похожую на те, что найдены в погребении Осеберга.

На фрагменте 2 (рис. 12) мы видим похожую процессию с участием лошадей, тянущих крытые повозки, и идущих людей, которые держат перед собой копья. В центре, видимо, расположены две женские фигуры в длинных платьях и накидках, застёгнутых на груди брошками. Одна из женщин держит перед собой жезл.

На фрагменте 11 (рис. 13) изображена лошадь, запряжённая в сани. На санях установлена палаткообразная конструкция, покрытая ковром или тканью. В палатке, вероятно, перевозится умерший, о чём свидетельствует изображение торчащих из палатки ног. Над входом в палатку верёвкой привязана резная голова дракона. Один конец верёвки прикреплен к столбу каркаса палатки. Другой

Рис. 12. Фрагмент ковра №2 (по Kraft 1955, р. 31)

конец направлен в сторону хвоста лошади. Эта деталь является существенной для интерпретации четырёх резных драконьих голов, обнаруженных в погребальной камере корабля вместе с инструментами для управления лошадьми — ранглерами.

Эти головы обнаружены связанными верёвкой с ранглерами-погремушками, которые рассматриваются некоторыми исследователями как культовые предметы. Проведённый эксперимент

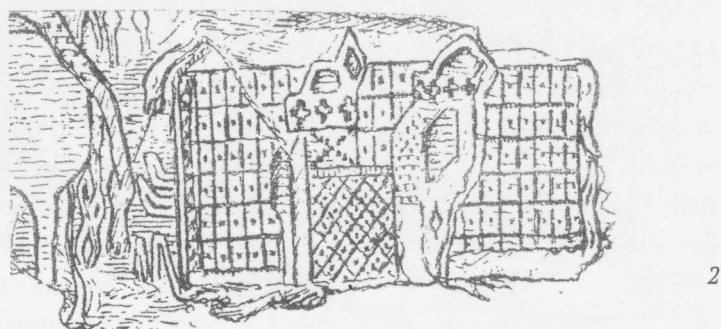
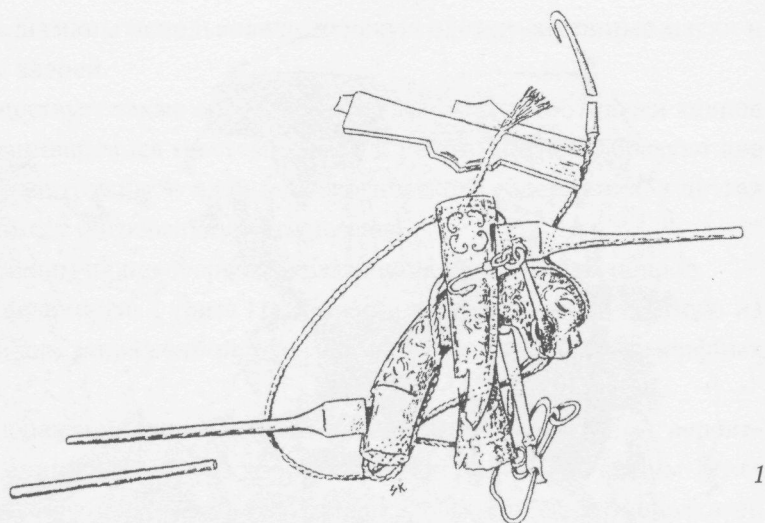

Рис. 13:

1 — резные драконьи головы с ранглерами (по Osebergfundet I, fig. 22),

2 — их изображение на фрагменте ковра №11 (по Kraft 1955 p. 38)

показал, что на телеге необходимо было два таких ранглера. Ещё одна резная голова, аналогичная упомянутым выше, обнаружена вместе с ранглером в носовой части корабля. Надо полагать, что первоначально было три пары столбов с резными драконьими головами и шесть ранглеров-погремушек, которые участвовали в транспортировке трёх умерших.

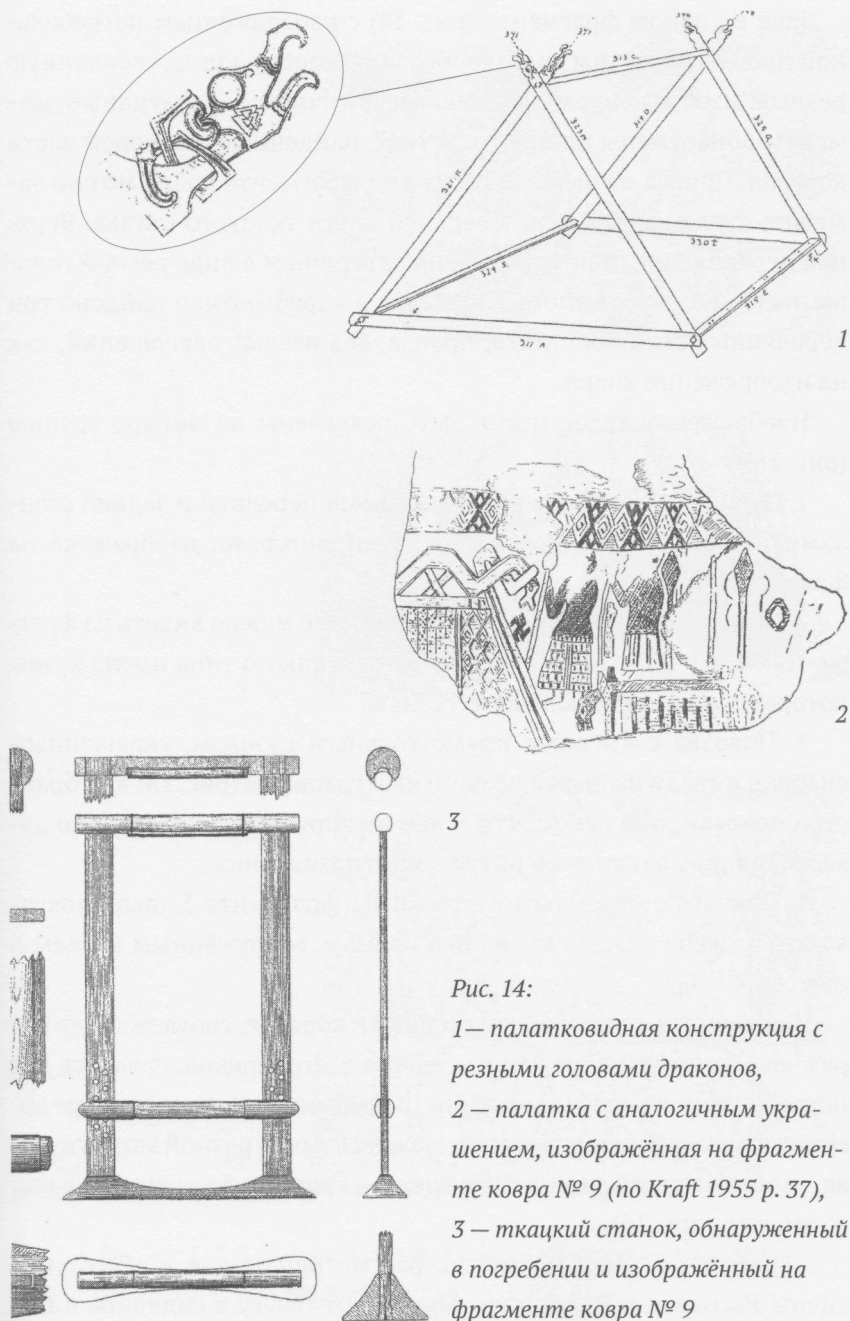

Рис. 14:

1 — палатковидная конструкция с резными головами драконов,
 2 — палатка с аналогичным украшением, изображённая на фрагменте ковра № 9 (по Kraft 1955 р. 37),
 3 — ткацкий станок, обнаруженный в погребении и изображённый на фрагменте ковра № 9

Ещё на одном фрагменте (рис. 14) с изображением погребальной процессии видим палаткообразную конструкцию, увенчанную резным изображением дракона. Аналогичные декоративные элементы обнаружены на двух палатках, найденных в носовой части корабля. Справа от палатки на нашем фрагменте ковра можно заметить также изображение верхней части ткацкого станка. Верхняя перекладина станка украшена навершием в виде резной головы зверя. Как я уже упоминал выше, в корабле было найдено три деревянных ткацких станка, правда, без резных завершений, как на изображении ковра.

Изображения телег могут быть разделены на четыре группы (рис. 15):

1. Открытая повозка с вертикальными передней и задней стенками. Такая телега с двумя сидящими фигурами изображена на фрагменте 1.

2. Повозка с полукруглым покрытием. Её можно видеть на фрагментах 1 и 2. Надо полагать, что повозка такого типа имела кузов, который покрывался какой-то тканью.

3. Повозка с высоким прямоугольным кузовом, украшенным спереди и сзади резными драконьими головами (рис. 15: 3). Убранство повозки, а также то, что в нее не впряжена лошадь, надо думать, говорит в пользу ее ритуального назначения.

4. Повозка с открытым кузовом. На фрагменте 3 такая повозка изображена с сидящим на ней воином, вооружённым копьём и щитом.

Деревянная телега, обнаруженная в корабле, соответствует как раз четвёртому типу повозок и, скорее всего, предназначалась для погребенного в корабле мужчины. Возможно, дополнительным аргументом такой интерпретации может служить резной мотив кузова, изображающий эддическую сцену — Гуннара, брошенного в яму со змеями (рис. 16).

Фрагмент 3 (рис. 16) можно рассматривать как изображение сцены Рагнарёк и Вальхаллы. Мы видим телегу с сидящим в ней

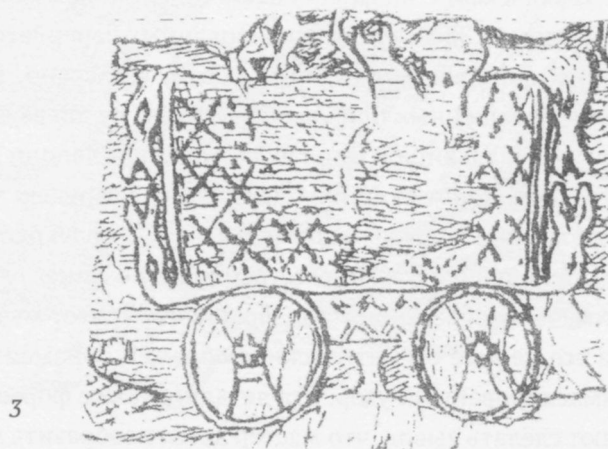
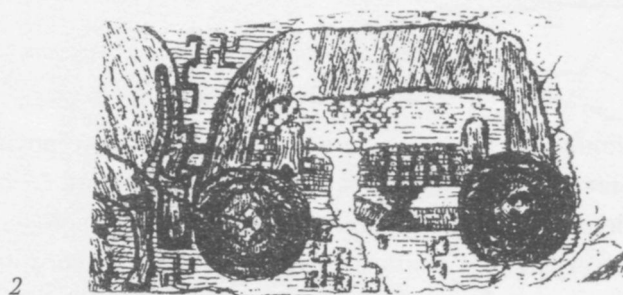

Рис. 15: 1, 2, 3. Четыре типа повозок, изображённых на коврах
(по Androshchuk 2005, Fig. 6)

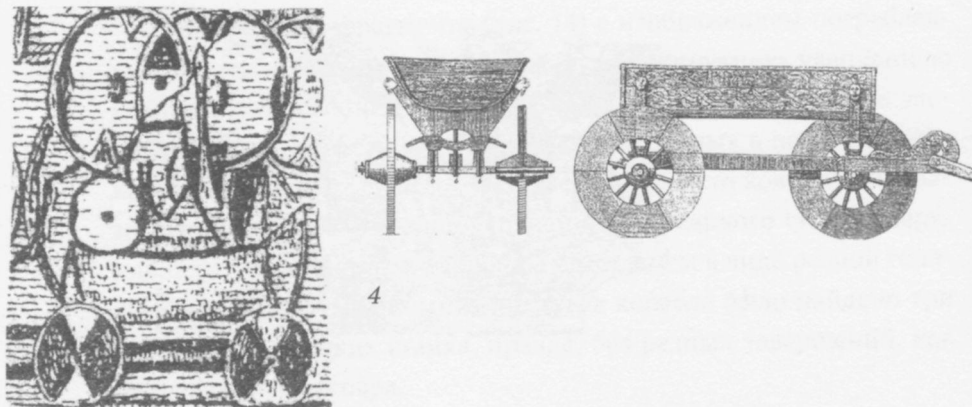

Рис. 15: 4. Четыре типа повозок, изображённых на коврах
(no Androshchuk 2005, Fig. 6)

воином, а также группы стоящих воинов с круглыми щитами, с мечами или копьями в руках. Ещё один воин со щитом изображён верхом на лошади. Воин с медвежьей головой является, вероятно, бесстрашным воином-берсерком. О таких упоминают исландские саги.

Изображение на фрагменте 6 (рис. 17) обычно называют «древом Одина». Здесь среди стилизованных переплетённых ветвей мы видим фигурки безоружных людей, возможно, представляющие души повешенных или умерших. Слева от дерева заметны женские фигурки-валькирии. Одна из них сложила ладони в жесте моления. Стоящая напротив фигура держит перед грудью меч с двусторонним лезвием, прямым перекрестием и полукруглым навершием. Такая подчёркнутая торжественность позы неслучайна. В отличие от меча, изображённого на фрагменте 1, этот меч — явно особый. На его клинке схематически изображён орнамент, имитирующий дамаскированный узор. Эта деталь, а также форма рукояти позволяют сделать вывод, что мастер хотел изобразить дорогую и драгоценную вещь.

Видимо, похожий меч изображён также и ниже валькирии, но от него сохранилось только изображение рукояти. Справа от «дерева»

Рис. 16. Фрагмент ковра №3 с изображением
сцены Рагнарёк и Вальгаллы (по Kraft 1955, p. 42)

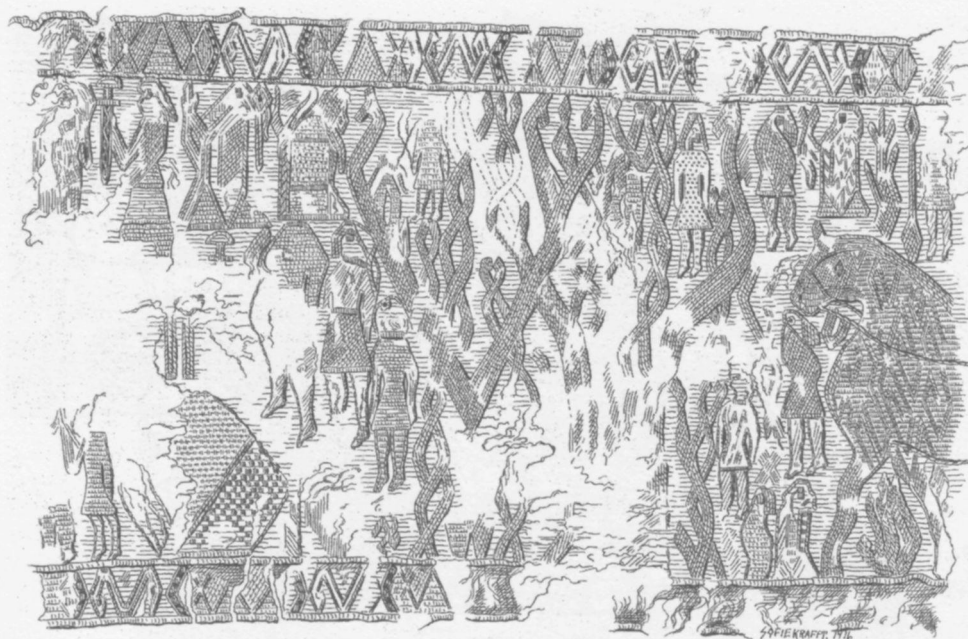

Рис. 17. Фрагмент ковра №6 с изображением мотива поездки Брюнхильд в Хель (по Kraft 1955, p. 35)

заметно частично сохранившееся изображение запряжённой лошади, которая, вероятно, переправляет умершего в потусторонний мир. Вообще весь этот фрагмент напоминает мотив поездки Брюнхильд в Хель, описанный в Старшей Эдде. Путь Брюнхильд в мир мёртвых после сожжения на костре описывается как путешествие в увешанной драгоценными тканями повозке. Брюнхильд — валькирия, Эдда называет её «шлемоносной Хильд»³. Один усыпил её, при этом воздвиг вокруг её ложа ограду из сомкнутых белых и красных щитов, а вокруг неё приказал гореть огню. Проехать сквозь пламя

³ Древнескандинавское слово *hildir* — означает одновременно женское имя и битву.

смог только герой Сигурд на своём коне Грани. На ложе, разделённом мечом, он провёл с Брюнхильд несколько ночей. Меч Сигурда был особенным:

Регин выковал Сигурду меч, который называется Грам (т. е. «враждебный»). Он был таким острым, что Сигурд окунал его в Рейн и пускал по течению хлопья шерсти, и меч резал хлопья, как воду. Этим мечом Сигурд рассёк наковальню Регина.

(Старшая Эдда. Речи Регина)

В Отрывке песни о Сигурде говорится, что меч этот, или *benvönd* — «жест ран», был украшен золотом:

*был клинок в огне закалён,
капли яда
таил он в себе.*

Меч Грам упоминается в «Краткой песне о Сигурде», согласно которой это был «меч, инкрустированный в середине знаками»⁴. Это уточнение, несомненно, указывает на то, что меч имел дамаскированный клинок. Таким его изобразил и мастер упоминаемого выше коврового фрагмента 6. Итак, как минимум два фрагмента ковров (3 и 6) связаны с циклом героических песен Старшей Эдды, в частности, мотивом сватовства Сигурда к Брюнхильд.

Мотивы мифологического характера мы также можем видеть в резьбе корабля, телеги, саней и других деревянных предметов, обнаруженных в кургане.

⁴ В русском переводе Старшей Эдды приведённое выше описание меча — *mæki málfán á meðal þeira* — не переведено; ср.: Старшая Эдда. Краткая песнь о Сигурде, 4.

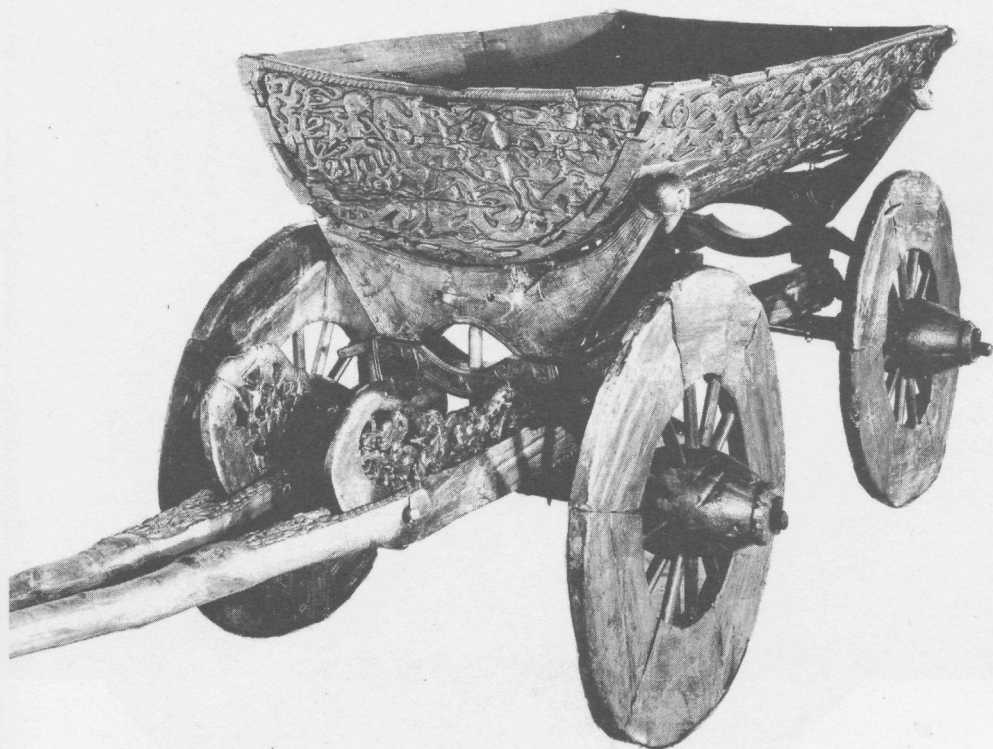
МОТИВЫ И СОДЕРЖАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ТЕЛЕГЕ

Орнаментация телеги (рис. 18) является содержательной и представляет собой идейное продолжение того эпического цикла, который изображён на упомянутых выше фрагментах ковров. Все четыре дубовые стороны кузова телеги, а также оглобли покрыты резьбой.

На передней стенке кузова вырезана сцена борьбы (рис. 19). Несколько левее от центра — изображение мужчины, на которого напали змеи. В схватке со змеями представлены также фантастические звери с длинным туловищем, кошкообразной мордой и хватающими лапами. Приблизительно посередине верхней части кузова заметны две симметрично расположенные маленькие птицы. Та, что слева, вцепилась клювом в одну из змей.

Считается общепринятым, что данный мотив представляет собой изображение эпического героя Гуннара, брошенного в яму со змеями. Этот сюжет продолжает эпический цикл, связанный с Сигурдом. Напомним вкратце его содержание.

Гуннар, сын короля Гьюки и брат Гудрун, сватается к Брюнхильд, которая дала обет выйти замуж только за того, кто преодолеет огненное препятствие, окружающее её дом. Гуннару не удалось этого сделать, но сменив обличье, это делает для Гуннара Сигурд. Брюнхильд, уверенная в том, что испытание выиграл Гуннар, выходит за него замуж. Однако вскоре обман открылся, и Брюнхильд решает отомстить Сигурду. Она подговаривает Гуннара и его брата убить Сигурда и овладеть его сокровищами, что те и делают. Спустя некоторое время Гудрун была выдана замуж за Атли, короля Гуннов.

*Рис. 18. Резная телега из погребения из Осеберга
(© Kulturhistorisk museum)*

Атли пригласил Гуннара и его брата Хёгни к себе и решил их убить. Братьев ждала ужасная смерть — Хёгни вырезали сердце, а Гуннара бросили в яму со змеями.

На задней стенке кузова мы видим уже знакомые нам изображения зверей с длинным туловищем, кошкообразной мордой и хватающими лапами (рис. 20). Образы змей здесь явно носят подчинённый характер — они представлены внутри пятерых зверей.

Рис. 19. Мотив «Гуннар в змеиной яме», вырезанный на передней стенке телеги (© Kulturhistorisk museum)

Рис. 20. Звериный мотив, вырезанный на задней стенке телеги (© Kulturhistorisk museum)

Изображения сосредоточены в левой части стенки, что явно указывает на продолжающийся рассказ, переходящий на заднюю стенку с передней и сообщающий зрителю о свершившейся смерти Гуннара.

Боковые стенки кузова состоят из двух резных панелей. Каждая из них украшена самостоятельной композицией (рис. 21). В центре верхней правой стороны кузова мы видим изображение мужчины верхом на коне, за спиной которого находится зверь, похожий на

*Рис. 21. Изображение Гуннара, Гудрун и Атли
на правой боковой стенке короба телеги*

собаку. Его коня останавливает другой мужчина; левой рукой он держит уздечку, а правой замахивается ножом. Руку с ножом сдерживает стоящая позади фигурка женщины.

В этом мотиве следует видеть Гуннара (всадник) и его сестру Гудрун (женская фигурка), пытающуюся остановить Атли (фигура с ножом) от убийства Гуннара.

С двух сторон крайние фигуры соединены со зверями с переплетенным в сцене борьбы длинными туловищами, удлинёнными мордами и хватающими лапами. В этом плетении за спиной женщины заметна также фигура сражающегося зверя с кошкообразной

мордой. Продолжение этой схватки мы наблюдаем на нижней панели этой стороны и двух панелях левой стороны кузова.

Верхушки двух деревянных дуг, на которых покоится кузов, декорированы изображениями мужских голов. Примечательно, что все они разные и отличаются подчёркнутой индивидуальностью. Так, передняя дуга орнаментирована двумя головами с бородами, а на задней изображены усатые мужчины. Эти головы наверняка не только декоративные изображения и, скорее всего, связаны с общей повествовательной канвой эпической истории, в которой, как известно, фигурируют такие мужские герои как Сигурд, Гуннар со своим братом Хёгни и их убийца Атли.

Конструкция телеги такова, что она в принципе не годится для практического использования, а уникальный декор заставляет считать ее исключительно ритуальной вещью, изготовленной специально для религиозной процессии.

ИСКУССТВО ОСЕБЕРГА

Вывод, сделанный учёными, что в Осеберге похоронена королева Оса — дочь конунга Агдера, жена короля Вестфольда Гудрёда и мать конунга Харальда Чёрного — оказал огромное влияние на представления об искусстве эпохи викингов. Хотя письменные источники умалчивают о дальнейшей судьбе Осы после возвращения в Агдир, многие исследователи полагали, что она доживала свои дни в Осеберге, поблизости от королевской резиденции в Борре. Находки из кургана создали благодатную почву для романтических представлений о жизни Осы в Вестфольде. Вот как это представлял выдающийся исследователь Осеберга и крупнейший авторитет в изучении искусства эпохи викингов Хакон Шетелиг:

Погребение в Осеберге удивительным образом поведало нам, какими были занятия и интересы королевы Осы в спокойный период её жизни, когда её сын основательно утвердился наследником отца, её мужа. Она была страстным коллекционером произведений искусств. Корабль, избранный для её погребения, орнаментирован исключительно богатой резьбой, телега, сани покрыты сверху донизу фантастическими орнаментами, включая серию деревянных столбов неизвестного назначения, завершающихся головами зверей — определённо представляющих собой шедевры декоративного искусства... Эти декоративные столбы, сани и множество других резных предметов, многоцветные гобелены с мистическими изображениями, сложенные в погребальную камеру, — всё это было помещено в могилу не как вещи практического назначения, необходимые

погребенному в потусторонней жизни, а как собственность, что была дорога королеве в этом мире... Королева любила этих могущественных монстров, вырезанных на столбах, дикую и обильную орнаментацию её корабля, её саней и бесконечные цветные фризсы, вытканные на гобеленах. Она была коллекционером. В то время единственным способом создания коллекции произведений искусства было привлечь мастеров и приставить их к работе при своём дворе. Определённо, помещения для мастеров деревянной скульптуры были характерной особенностью королевской резиденции в Осеберге, также как и рабочие комнаты для девушек, занятых ткацкими работами. Так мы можем представить себе повседневную жизнь королевы Осы, ходящей туда и сюда, наслаждающуюся каждым новым произведением, созданным её мастерами и обогащающим её собрание.

Приведённая цитата не оставляет сомнений в том, что Шетелиг полагал, будто в эпоху викингов отношение к искусству было таким же, как и в современном мире. Читая его исследование о деревянной резьбе Осеберга, можно убедиться в том, что в его понимании искусство носило лишь декоративный смысл. Единственное исключение он сделал для резьбы телеги, очевидно, содержавшей повествовательный мотив древнескандинавского эпоса.

Ко времени открытия, сделанного в Осеберге, археологическая наука уже была вооружена эволюционной теорией, которую успешно применили в своих работах такие учёные, как Оскар Монтелиус и Оскар Альмгрен. Они рассматривали художественные стили как постепенно сменявшиеся стадии постоянно развивавшегося искусства.

Бернар Салин — один из первых, кто обратился к изучению развития звериного мотива в искусстве железного века. Изучая изображения зверей, он выделил особые мотивы, которые, по его мнению, были характерны для трёх основных, хронологически различных стилей: I, II — стили эпохи переселения народов (VI–

VII вв.) и III (VIII в). Стиль III он в свою очередь разделил на раннюю и позднюю фазы.

Этот подход сразу же обрёл как своих последователей, так и критиков. Например, Хакон Шетелиг выступал против этой теории, которая, по его словам, может быть сравнима «с безличным ростом растения, которое достигает своей высоты в полном расцвете, а затем увядает, достигнув, таким образом, времени, когда оно должно быть заменено новым». По мнению Шетелига, находка в Осеберге обнаруживает совершенно иной процесс формирования искусства, различимый в оригинальных работах мастеров Осеберга, названных им консервативным «Академиком», «Мастером кузова саней», «Мастером корабля», «Мастером четвёртых саней», «Мастером Барокко» и «Импрессионистом». Таким образом, концепция стиля ассоциировалась с определённым мастером и рассматривалась как отражение артистического развития и упадка. Шетелиг выделил среди резных работ образцы «раннего» и «позднего» Осеберга.

Этап «раннего Осеберга» представлен «Мастером корабля» и работами «Академика».

Работой «Мастера корабля» является декорированная резьба штевной судна (рис. 22), каждый из которых венчала резная голова. Вдоль плоских сторон штевной, внутри отделённой кантами части, расположена ритмичная композиция хватаящих друг друга четверолапых зверей. Передняя и задняя части их тела закручены в кольца, на вытянутых шеях — головы с длинными гривами.

Зверь — типичный образ для искусства предшествующего времени и известен в орнаментации предметов, датированных VIII–IX вв. Плоские фронтальные участки форштевня украшены изображениями хватящего зверя уже в другом стиле — он круглоголов, с длинной, узкой бородкой и четырьмя короткими конечностями. Несмотря на то, что эти два стиля изображения фантастических животных отличаются между собой, нет сомнений, что их резал один и тот же мастер. Доказательством этому является дубовая резная планка, расположенная на кормовом штевне с внутренней части

Рис. 22. Резной штевень работы «Мастера корабля» (фото автора)

корабля. На ней изображены два зверя с закрученными в кольца передней и задней частями тела, а также длинными хватающими конечностями, точно такими же, как и вырезанные на плоских сторонах штевня. В то же время голова зверей — маленькая и круглая с большими круглыми глазами и гривкой — обладает чертами, характерными для другого стиля. Таким образом, комбинируя эти два разных стиля, мастеру удалось создать новый композиционный стиль.

К работам «Академика» исследователь отнёс резные полозья сaney и один из столбов с головой зверя (рис. 23). В средней части полозьев вырезаны три фантастические птицы S-видной формы, две из которых расположены зеркально друг напротив друга. Вся остальная поверхность полозьев покрыта геометрическим орнаментом в виде решётки. Звериный стиль «Академика» напоминает работу «Мастера корабля», однако более строг в исполнении и

Рис. 23. Резной столб работы «Академика»

сдержан в деталях. Полозья покрыты декоративными серебряными гвоздиками, вбитыми хаотично и вне всякой художественной связи с вырезанными изображениями.

Другой работой этого мастера является столб с резной головой зверя. На гладкой поверхности столба гармонично сочетаются как звериный, так и геометрический орнамент. «Визитная карточка» этого мастера — фантастические птицы, выполненные в соответствии со скандинавскими изобразительными традициями предшествующего времени. Геометрический орнамент мастерски используется для ограничения пространства, заполненного звериным мотивом. Такой же приём мы можем видеть и на еще одной его работе — так называемых «санях Густавссона».

Близкой по стилю оказывается работа мастера, изготовившего кузов «саней Шетелига» (рис. 24). В орнаментике кузова саней

Рис. 24. «Сани Шетелига»

представлен геометрический орнамент в виде решётки. Под ним на внешней поверхности задней и передней сторон кузова вырезаны по два зверя. На продольных сторонах изображены по четыре таких же зверя с закрученными в кольца телами, четырьмя лапами и маленькими головами с гривами. Подобный звериный орнамент уходит корнями в местное искусство предшествующего времени, но органично сочетается с определёнными новшествами, а именно — скульптурными головами «львов» угловых столбов кузова саней. А их прообразы, в свою очередь, следует искать в континентальном искусстве того же времени.

Другим новшеством является мотив «хватающего зверя» с толстыми конечностями и маленькой круглой головой с гривой и узкой бородой (рис. 25). Такой мотив мы встречаем уже в работе

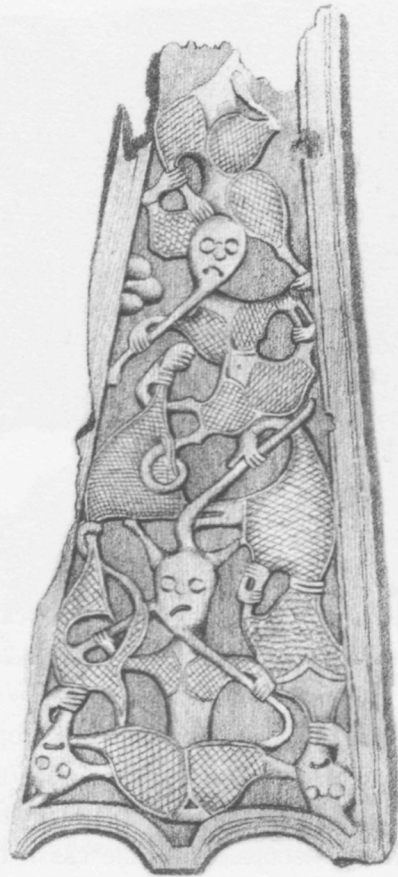

Рис. 25. Мотив
«хватящего зверя»
(© Kulturhistorisk museum)

«Мастера корабля». Это — локальная попытка создать резное изображение в высоком рельефе наподобие континентальных прототипов. Сочетание старого изобразительного стиля с новым мы видим и на других объектах судна, например, на одной из четырёх резных плоских голов, украшавших изголовья кроватей.

Поздний стиль Осеберга представлен работами «Мастера Барокко», который вырезал зверей и птиц разных форм. Этот мастер впервые применил в своих работах пластичность высокого рельефа вместе с ковровым узором декора, а также повторение мотивов одинаковых размеров и одинаковой композиционной

*Рис. 26. Деталь резной оглобли, изготовленной «Мастером Барокко»
(фото автора)*

важности. К его работам относятся два столба, увенчанные резной головой, и оглобли саней (рис. 26).

В работах «Мастера Барокко» мы также видим уже известную нам черту — заключение звериной орнаментики в овальные медальоны. В один из деревянных столбов вбито большое количество серебряных гвоздиков с круглыми шляпками. Они покрывают всю поверхность изображения вне связи с деталями изображения и, скорее всего, не принадлежат руке резчика. Складывается впечатление, что они представляют собой некое декоративное жертвоприношение, а не гармоничную дополнительную деталь орнаментации.

Современником «Мастера Барокко» был художник, названный «Импрессионистом», изготовивший так называемые «четвёртые сани» (рис. 27). В их декоре звериная орнаментика заключена в круглые и овальные медальоны, а также использованы декоративные «решётки» — новшества, адаптированные скандинавским мастером.

К младшему стилю Осеберга принадлежит декор полозьев «саней Шетелига». Их кузов, как упоминалось выше, был изготовлен в другое время и другим мастером. Резчика полозьев Шетелиг на-

Рис. 27. «Четвёртые сани» – работа «Импрессиониста»

звал «Осторожным эклектиком». К индивидуальной манере этого мастера можно отнести использование антропоморфных фигурок в декоративном орнаменте, изображённом на фризе полозьев. В отличие от сюжетных изображений на телеге, где изображения людей являются элементами повествования, в орнаментике этих полозьев мы впервые встречаемся с их использованием в чисто декоративных целях. Среди других мотивов полозьев упомянем маски, а также зверей с переплетённым лентообразным туловищем.

До сих пор не ясно, представляют ли резные находки Осеберга две хронологически разные стадии искусства, или они принадлежат одной и той же временной фазе, в течение которой мастера прибегали к различным изобразительным мотивам.

Подведём итоги и попытаемся суммировать — в чем же уникальность предметов искусства Осеберга, и что нового они дают для современного понимания искусства эпохи викингов?

Во-первых, необходимо отметить новшества. В позднем резном искусстве Осеберга важным нововведением оказывается возникновение скульптурных форм, которые представляют собой контраст по сравнению с предшествующими плоскими изображениями так называемого вендельского времени (VI–VIII вв.). Новым мотивом является короткотелый «хватающий зверь» округлых пластичных форм. Этот мотив, вместе с характерным обрамлением полей, на протяжении последующих двухсот лет станет важным компонентом искусства эпохи викингов.

Во-вторых, сегодня мы знаем, что сосуществование предметов, орнаментированных в разных стилях, которое представлялось Шетелигу признаком коллекционирования королевы Осы, не является уникальным. Например, нам известны некоторые застёжки Готланда, орнаментированные в разных стилях. Если во время Шетелига считалось, что орнаментированный стиль предшествующего времени, известный также как поздневендельский, пришёл в упадок около 800 г. и, скорее всего, одновременно с появлением мотива «хватающего зверя» каролингского происхождения, то новые исследования показали, что существовал период, когда оба стиля бытовали одновременно. На основании хронологии ювелирных украшений, обнаруженных в культурном слое Рибе и некоторых могильников Готланда, мы можем определить время такого сосуществования стилей — 780/790–850 гг.

Наконец, ещё одно важное обстоятельство: современные знания об искусстве эпохи викингов формируют два основных понятия — стиль и мотив. Практически все мотивы искусства эпохи викингов представлены изображениями фантастических животных, а так называемые реалистические изображения так или иначе связаны с богатым мифологическим миром древних скандинавов, чему подтверждением служит целый ряд объектов, обнаруженных в Осеберге. Многие из них наверняка были специально изготовлены для погребения и оказались важными участниками сложного ритуала.

КОРОЛЕВА ИЛИ ЖРИЦА?

Нужно сказать, не все исследователи разделяли идею о том, что в Осеберге похоронена королева Оса. Так, Анне Стине Ингстад обратила внимание на указание Снорри Стурлусона, что после убийства Гудрёда Оса вернулась со своим малолетним сыном в Агдир. Правильным стал другой сын Гудрёда, Олав Гейрстад-Альв, мать которого, Альвхильд, также умерла. Время её смерти и место захоронения неизвестны, что тем не менее не помешало норвежской исследовательнице высказать предположение, будто именно она похоронена в Осеберге. Далее, на основании принятой спекулятивной этимологии Осеберга как горы языческих богов Асов (*Æsir*), нетипичной топографии кургана, а также опираясь на мотивы религиозного содержания, вытканные на коврах, был сделан вывод о том, что Альвхильд была жрицей. Ей якобы принадлежали две лампы, обнаруженные в одном из сундуков погребальной камеры, предположительно задействованные в ритуальных процессиях. Напомню, что такую же лампу держит в руке шествующая женщина на одном из фрагментов ковров.

В изображениях фантастических зверей, вырезанных на заднем и переднем бортах телеги, Анне Стине видят кошек — священных животных Фрейи, служению которой посвятила свою жреческую жизнь Альвхильд. Жрицу могли считать своеобразным земным воплощением богини Фрейи, а пышные похороны могли символизировать ритуал жертвоприношения этой богине плодородия. Курган в таком случае предстаёт как сакральная конструкция, а сооружение его у воды само по себе является ритуальным жертвоприношением.

К сожалению, эта оригинальная интерпретация не может быть признана удачной, и вот почему.

Во-первых, как упоминалось выше, время и место захоронения Альвхильд неизвестны.

Во-вторых, Альвхильд была дочерью конунга Альварика из Альвхейма — области, согласно Снорри, располагавшейся в юго-восточной Норвегии между Раум-Эльвом и Гаут-Эльвом. А это означает, что её родина находилась вблизи богатого рыбой морского побережья современной шведской провинции Богуслэн, где и ныне известна река Йёта Эльв (Göta älv). Рыба, как мы знаем, не входила в пищевой рацион обеих женщин, обнаруженных в погребении, поэтому Альвхильд должна быть отклонена как возможный кандидат для погребения в Осеберге.

Обосновывая жреческую принадлежность Альвхильд, норвежская исследовательница приводит и такой аргумент. В легендарной «Саге о Хёрвер и Хейдреке» есть упоминание о великом жертвоприношении дисам, которое имело место в Альвхейме. По мнению Анне Стине, эта жреческая деятельность была передана Альвхильд по наследству, точно так же, как и её имя. Насколько корректно такое предположение? Прежде всего, присмотримся к самому источнику, где содержится это информация. Известно, что сага дошла до нас в трёх основных версиях. Наиболее близкой к оригиналу считается версия R, датированная концом XIV — началом XV в. Согласно ей, Альвхейм — это хутор в земле готов Рейдготланде, расположенный в усадьбе Данпрастадир или «Днепровском дворе» (Версия R Гл. 11). В другой версии саги (Версия H Гл. 1), сохранившейся в «Книге Хаука», упоминается Альвхейм где-то в юго-восточной Норвегии. Именно этот Альвхейм и есть родина Альвхильд, дочери конунга Альва и жены легендарного Старкада. Рейдготланд же в этой версии — это Ютландия. Наконец, третья версия саги (Версия U Гл. 1) известна в нескольких поздних бумажных копиях и издавалась только один раз в XVII в. Поэтому приведу здесь перевод интересующего нас места:

Альвом звался конунг, который правил в Альвхейме (тогда Альвхеймом называлась [область] между Гаутельв (Gautelfar) и Раум-эльв (Raum-elfar). Его дочь звали Альвхильд. Однажды осенью у конунга Альва приносили жертвоприношения дисам (Disablot). Пришла для приношений и Альвхильд. Была она самой красивой из всех женщин, а люди в Альвхейме были более грубыми⁵, чем другие, жившие в то время. Ночью, когда она обагрляла жертвенник, принося жертвоприношения (er hon rauid haurgin), Альвхильд выкрал Старкад и увёз домой к себе.

Olaus Verelius: *Hervarar saga på Gammal Götska*
(Uppsala 1672), pp. 2–3.

Как видим, в приведённом отрывке речь идёт только о том, что Альвхильд принимала участие в жертвоприношении, но не была жрицей.

Кроме того, обилие географических названий с элементом «Альв» наводит на подозрение, что имена легендарных Альвхильд и Альва появились в рамках так называемой народной этимологии, с помощью которой в XIII в. пытались объяснить название Альвхейм.

Что же касается жертвоприношений дисам, то данные о них весьма скудны и неконкретны. Речь идёт о нескольких сагах, датированных XIII в. В «Саге об Инглингах», например, читаем следующее: «Один определил Ньёрда и Фрейра жрецами (blótgoða), и были они диями Асов. Дочерью Ньёрда была Фрейя, и была она жрица (blótgyðja). Она первая научила Асов колдовать (seið), как было принято у Ванов» (Ynglingasaga, 4). В этой же саге объясняется, кто были эти дии: «Там (в жилище Асов — Асгарде) было большое место жертвоприношений (blótstaðr mikill), и согласно обычаю, там были двенадцать жрецов (hovgoðar). Они должны были

⁵ Var ofridara ad sia — т. е. язычники непросвещённые.

приносить жертвы и судить людей. Они назывались диями (dǫar) или владыками (drótnar). Все люди должны были им служить и почитать» (Ynglingasaga, 2).

Судя по дошедшим до нас сведениям древнесеверной литературы, жертвоприношениями дисам были публичные праздники плодородия, проводимые весной или осенью в больших резиденциях. В этих ритуалах принимали участие и мужчины, а о какой-то особенной роли женщин нет решительно никакой информации.

В своей интерпретации Осеберга как захоронения жрицы Фрейи Анне Стине делает большой упор на символическое значение орнаментированной телеги. Весьма вероятно, что именно эта телега изображена в сцене похоронной процессии, вытканной на найденных в погребальной камере коврах. Что вызывает возражение, так это однозначная интерпретация вырезанных на стенках кузова телеги животных как кошек. Кошки Фрейи упоминаются в Младшей Эдде в связи с похоронами Бальдра. Вот как звучит это место в русском переводе О. А. Смирницкой:

Множество разного народа сошлось у костра. Сперва надо поведать об Одине, и что с ним была Фригг, и валькирии, и его вороны. А Фрейр ехал в колеснице, запряжённой вепрем Золотая Щетина, или Страшный Клык. Хеймдалль ехал верхом на коне Золотая Чёлка. Фрейя же правила своими кошками.

Младшая Эдда. Издание подготовили
О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский.
Ленинград, 1970. Стр. 49.

Перевод наводит на мысль, что, управляя кошками, Фрейя должна была находиться в каком-то транспортном средстве — повозке или телеге, как например, Фрейр, который ехал в колеснице — ók í keggi. Между тем, буквальный смысл фразы не дает для этого оснований. Вот как она звучит: «А Хеймдалль ехал вер-

хом на коне, которого звали Золотая Чёлка, а Фрейя на кошках своих»⁶. Таким образом, из контекста фразы можно понять, что Фрейя ехала верхом на кошках, а не в телеге.

Впрочем, приглядимся к так называемым «кошкам» телеги из Осеберга.

Как уже упоминалось выше, на внешних сторонах передней и задней стенки кузова телеги вырезаны два сюжета с участием различных фигур, которые можно разбить на две группы — тех, что защищаются, и тех, что нападают.

К первой принадлежит фигурка человека (предположительно, Гуннара), подвергнувшегося нападению змей. Ему пытаются помочь восемь четвероногих животных с длинным телом, короткой мордой, маленькими ушами (кошки, согласно Анне Стине Ингстад), а также две птицы. К нападающим относятся: змеи, четвероногие животные с длинными телами и мордами, четвероногие звери с длинными телами и антропоморфными головами.

На задней стенке кузова вырезаны три группы зверей: четвероногие животные с длинным телом, короткой мордой и маленькими кошачьими ушами, которых атакуют четвероногие звери с длинными телом и мордой. На телах последних изображены змеи, причём ни одна из них не выступает за границы тел — словно мастер хотел подчеркнуть их внутреннюю связь и единство. Змеи явно подчинены этим животным — некоторые из них своими лапами направляют змей. Зверь с кошачьими ушами — явно положительный образ в обоих сюжетах. При всей возможной схожести с кошками, у него другая форма конечностей-лап и отсутствует хвост. Это, конечно, не реалистический образ, а хорошо знакомый фантастический зверь, которого мы встречаем в скандинавской орнаментации парадного оружия, а также украшений IX в. Таким образом, отождествление его с кошкой не является верным, а следовательно, и его связь с культом Фрейи лишена оснований.

⁶ En Heimdallr reið hesti þeim er Gulltoppr heitir, en Freyja köttum sínum. См. оригинальный текст в нескольких версиях — <https://notendur.hi.is/eybjorn/gg/gg4par49.html>.

Двух найденных ламп также недостаточно для предположения о том, что одна из захороненных женщин была жрицей. Да, очевидно, что лампы использовали в различных ритуальных действиях, в особенности похоронах. В Норвегии зафиксировано около десятка таких ламп, происходящих как из женских, так и из мужских погребений. Все они имеют заострённые ножки, для того чтобы их можно было втыкать в земляной пол. Длина ламп 50–90 см. То есть, находясь на полу, они могли осветить довольно ограниченное пространство, например, погребальную камеру. Помимо ламп, в некоторых погребениях эпохи викингов находят также восковые свечи, которые, вероятно, оставляли горящими. В Осеберге обе лампы были сложены в сундук, возможно потому, что они рассматривались как табуированные вещи, связанные с похоронами.

Как мне представляется, стоит избегать видеть в погребении Осеберга некую сумму символов, связанных с воображаемой сферой деятельности погребённых, поскольку, поступая так, мы вступаем на зыбкий путь ничем не подкреплённых фантазий.

В целом, можно сказать, что некоторые предметы Осеберга, а также реконструированный ряд действий при сооружении погребения, несомненно, несут культовый характер. Если учесть то обстоятельство, что младшая женщина не была скандинавкой, жрицей мы должны будем признать старшую особу. Языческая жрица могла вызывать страх и ужас у местного населения даже спустя длительное время после смерти, что объясняло бы причину разорения кургана. В таком случае, осквернение её останков находило бы вполне резонное истолкование, если бы только не один упрямый факт — её останки наиболее хорошо сохранились и явно не были интересны грабителям.

РИТУАЛЬНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ КУРГАНА?

Уже во время раскопок археологи заметили, что курган был ограблен в древности (рис. 28). Грабительский ход шириной 3 м был прорыт с правой стороны носовой части корабля по направлению к мачте. Слой, связанный с ограблением, представлял собой перемешанную землю с песком, лежавшую на дерне, из которого сооружено тело кургана. В грабительском ходу выявлены предметы, которые первоначально находились в погребальной камере (рис. 29), а также спиралевидная резная голова дракона, венчавшая форштевень корабля. Часть форштевня обнаружена также за мачтой.

Причина, побудившая рубить форштевень, загадочна и трудно-объяснима с практической точки зрения. Надо полагать, что драконья голова была отрублена сознательно, возможно, в ритуальных целях, а возможно, для того, чтобы беспрепятственно осуществить тщательно спланированную акцию по разорению кургана. находка двенадцати лопат в грабительском ходе, а также ещё двух в погребальной камере говорят нам о приблизительном количестве мародёров (рис. 30). В грабительском ходе были также выявлены носилки, пух подушек, остатки одной кровати, седло, бляшки уздечки, нож, фрагмент сундука, обувь, один ткацкий станок и человеческие кости. Создается впечатление, что грабители использовали большую кровать, стоявшую в погребальной камере, для транспортировки останков покойника из кургана. Прежде чем вытащить кровать, злоумышленники отрубили резные драконьи головы на её столбах.

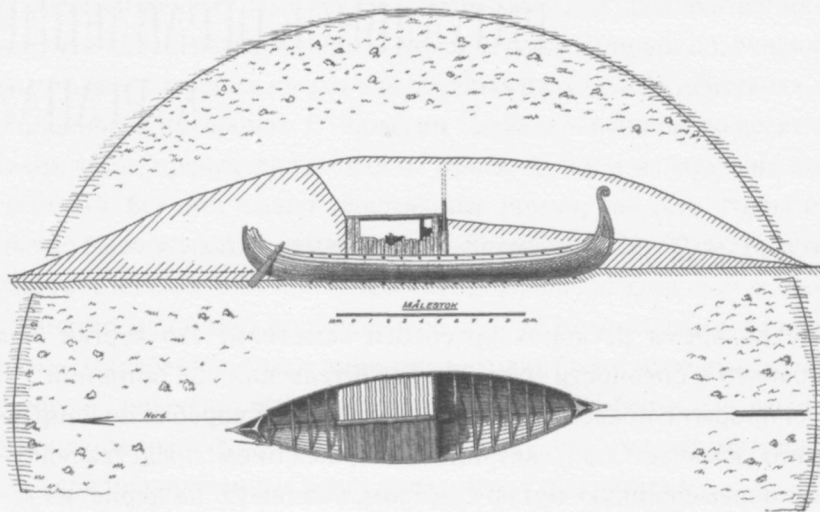

Рис. 28. Разрез кургана с кораблём с указанием грабительского хода

(© Kulturhistorisk museum)

Разорение такого большого кургана, как Осеберг, определённо требовало значительного времени и сил. Уже первые исследователи кургана отмечали, что это случилось, когда от покойника осталась один скелет. Высказывалось предположение, что разграбление кургана произошло в то время, когда христианство было уже принято, и эта мысль совсем недавно получила подтверждение. Определение возраста вырезанных из дуба лопат показало, что вторжение в курган произошло между 953 и 990 гг.

Разорение курганов и могил — довольно распространённый феномен в древности. Интересной и близкой аналогией Осебергу является захоронение в Гокстаде, расположенное всего лишь в 20 км от того. Антропологи установили, что под насыпью кургана в ладье был погребён мужчина около 50 лет от роду. В кургане зафиксирован грабительский ход, в котором обнаружили резной столб кровати, игральные кости, седло и уздечку. Поскольку, как правило, эти курганы не содержат предметов из драгоценных металлов, выска-

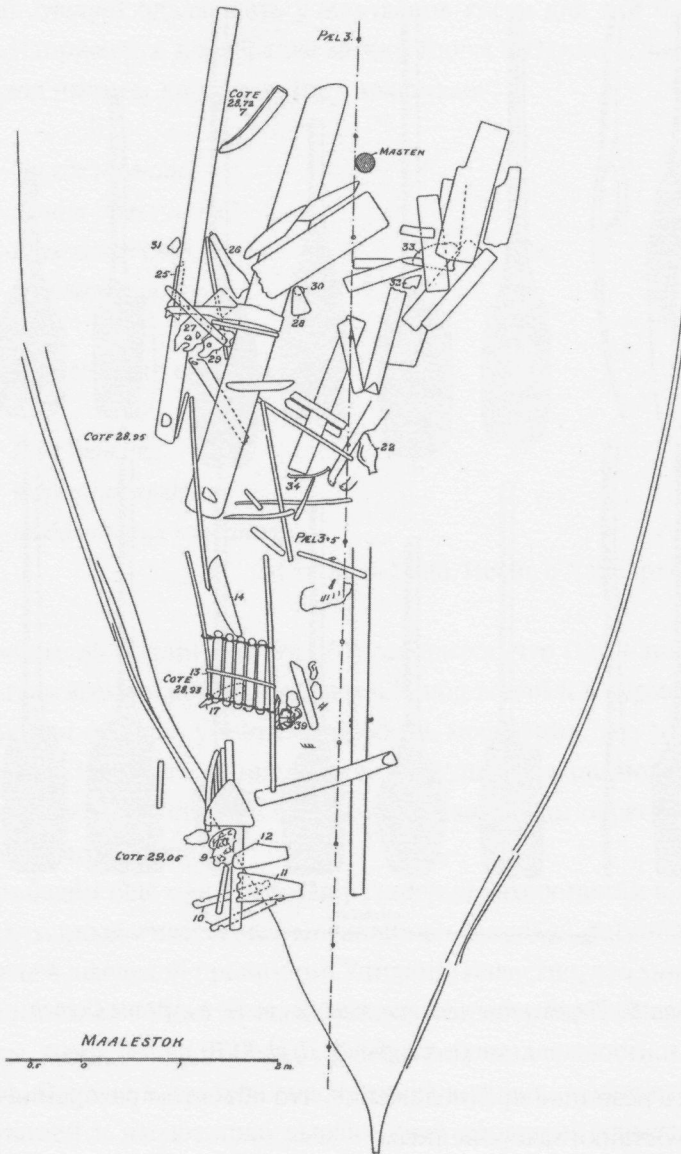

Рис. 29. План верхнего слоя грабительского хода в кургане (по Osebergfundet I, рl. VI). На плане изображены обнаруженные здесь носилки, остатки одной кровати и один ткацкий станок

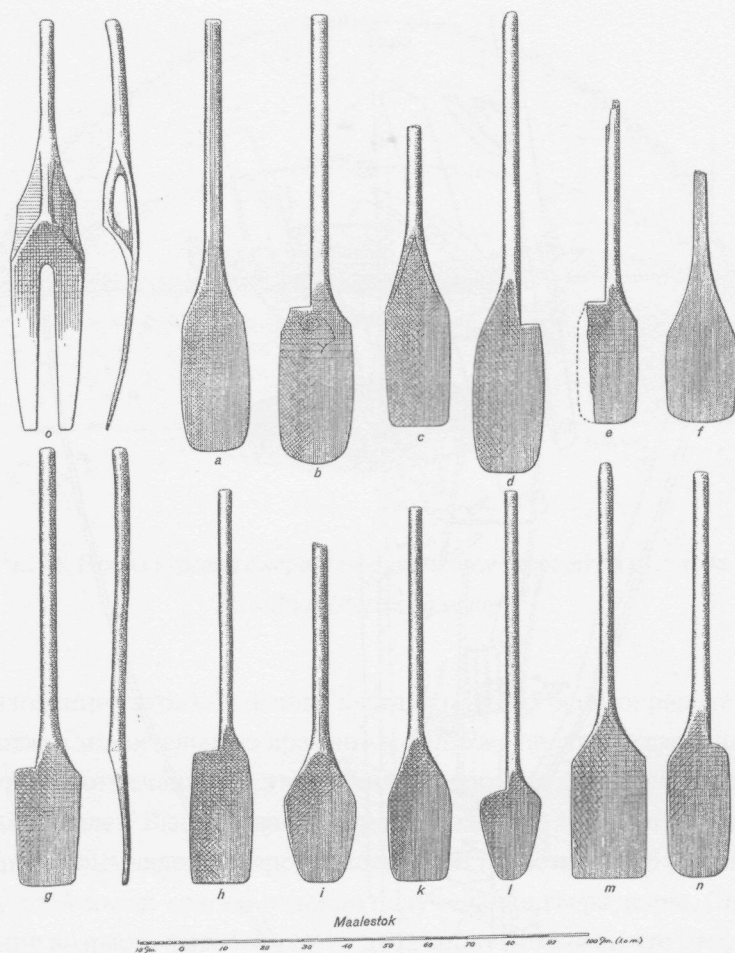

Рис. 30. Деревянные лопаты, обнаруженные в кургане Осeberg
(no Osebergfundet II, pl. XVII)

зывалось резонное предположение, что объектом разорения были именно останки захороненных.

Пролить свет на эту загадку помогает богатый скандинавский этнографический материал. Согласно ему, кости умерших обладали как целебным, так и разрушительным свойством. Из них могли изготавливать амулеты. Существовали также специальные прави-

ла, как следует одалживать у мертвецов кости для той или иной цели. Например, в перебранке между Тором и Одином, выступающим под именем Харбарда, Тор спрашивает:

*Ты где научился
речам глумливым?
Глумливее слов
Не слышал никогда я.*

На что Один ему отвечает:

*Я их перенял
у древних людей
из домашних курганов.*

Старшая Эдда. Песнь о Харбарде, 43–44.

В «Саге об Инглингах» (гл. VII) говорится, что Один знал места сокрытия всех сокровищ, под землёй, под водой и в курганах. Поскольку он обладал умением вызывать мертвецов, это знание он также мог получить от них. Вероятно, существовало поверье, что обладающий амулетом из человеческой кости мог обрести знание о прошлом и будущем.

Приведём ещё один пример разорения захоронений в древности, связанный с известным могильником в ладьях, раскопанным в Венделе в шведской провинции Уппланд. Известно, что могильник использовался с VI по XI вв. В богатых погребениях были найдены шлемы, мечи, копыя, топоры, кухонные принадлежности и многое другое. Оружие и конское снаряжение украшены позолотой и инкрустацией и имеют ярко выраженный парадный характер. При этом — странное дело — при наличии прекрасно сохранившихся костей животных нет ни одного уцелевшего человеческого костяка в погребениях, датированных вендельским временем (VI–VIII вв.). Яльмар Стольпе, первооткрыватель этих погребений, пришёл к

выводу, что они были ограблены в древности. Поскольку в одном из них обнаружена бронзовая пряжка XI в., можно полагать, что именно тогда и произошло разорение. Однако интересно, что грабителей совершенно не интересовали вещи, многие из которых действительно были необычно богато украшены. Целью их мародёрства были не они, а человеческие останки, тщательно вынесенные с неизвестной целью. Недавно английская исследовательница Элиссон Клевнэс высказала предположение, что разорение погребений в Венделе имело место в связи с включением языческого кладбища в новый — христианский контекст. По её мнению, это могло произойти самое позднее в конце XIII в., когда была сооружена каменная церковь. Однако, судя по находке в одном из разорённых погребений упомянутой выше пряжки, кости после возможного обряда крещения могли быть перезахоронены на территории основанного христианского кладбища. Такие случаи зафиксированы в Исландии, а наиболее известным является перенос Харальдом Синезубым останков его отца Горма из кургана в сооружённую около 990 г. церковь в Еллинге.

Необходимо отметить тесную связь между курганами и лежащими вокруг усадьбами. Курганы часто входили в состав одаля, то есть наследственной земли, что отразилось даже в особом термине — *odelshaugen* — одалый курган. Разорение таких курганов считалось ужасным преступлением. Если предположить, что Осеберг входил в состав какого-то локального одаля, то его ограбление следовало бы рассматривать как предостережение *haugodelsmannen* — то есть законному владельцу как земли, так и кургана, расположенного на ней. Подобная акция могла вполне считаться демонстративной угрозой его правам.

Всё говорит о том, что люди, соорудившие курган, старались сделать всё возможное, чтобы погребённые не покинули места своего захоронения. На это указывает символическая швартовка забросанного камнями судна к крупному каменному блоку, а также тот факт, что сама погребальная камера не имела выхода. Надо по-

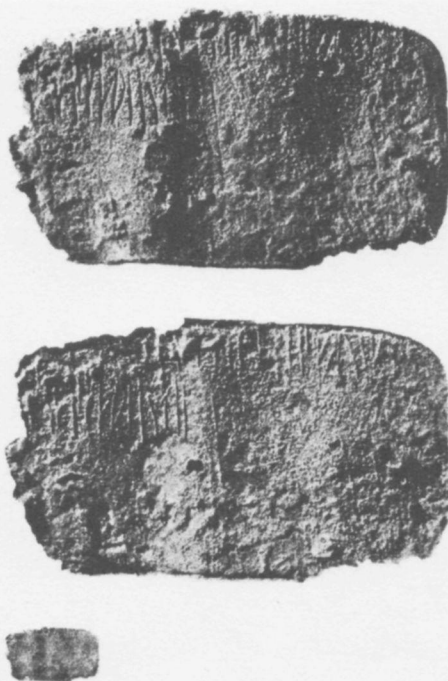
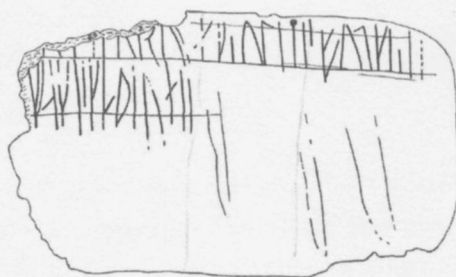

Рис. 31.
 Медный амулет с
 рунической надписью
 из шведского кургана,
 обнаруженного в Ульвсунде
 (рисунок по Peresvetoff-
 Mourat 2017)

лагать, местное население верило, что погребённый или погребённые обладали мистической способностью покидать место своего захоронения. О том, что подобная боязнь привидений и «жителей курганов» существовала, свидетельствует медная пластинка с надписью, прочерченной рунами, обнаруженная в шведском кургане в Ульвсунде вместе с накладками на уздечку, аналогичными найден-

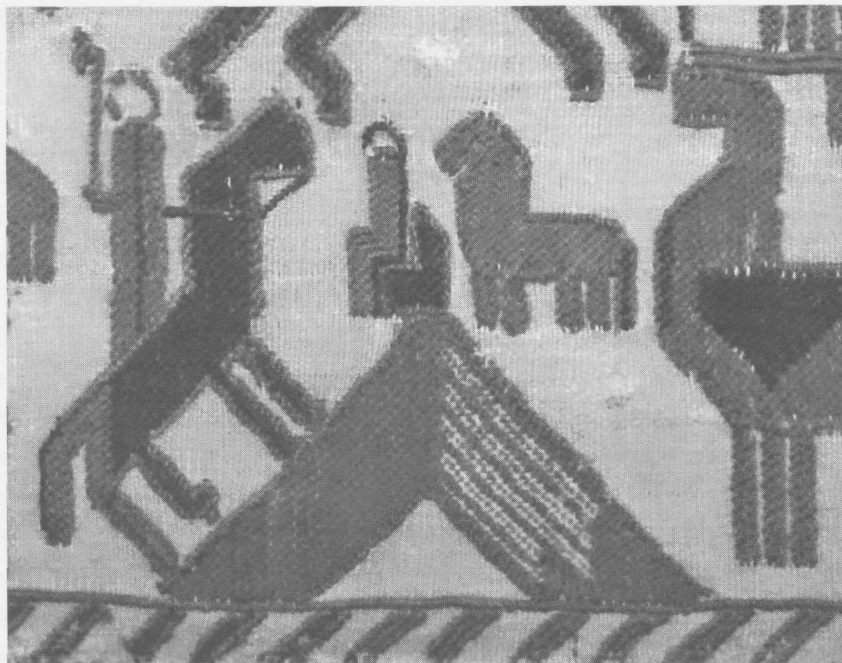
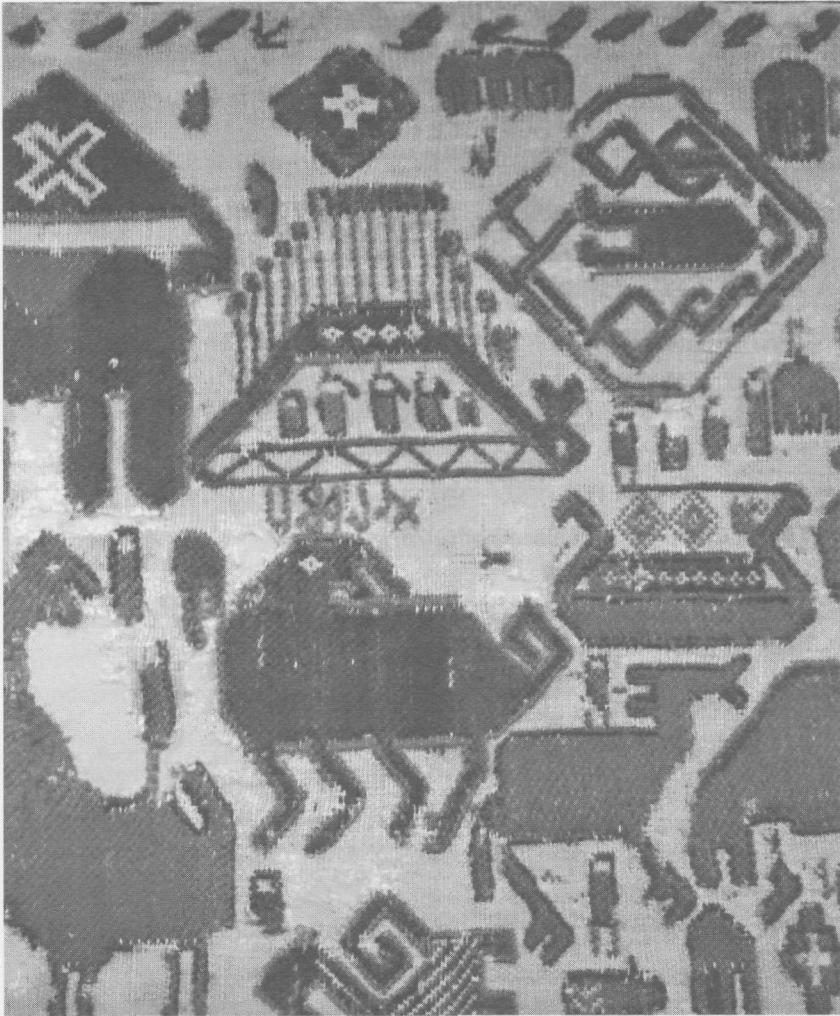

Рис. 32. Фигурка человека, сидящего на троне на большом кургане, изображённая на ковре из Оверхёгдаль, Емтланд (фото автора)

ным в Осеберге. Надпись эта звучит следующим образом: *Vesat-tu órvkr úti, misfylgír! Fangi skađi vá* — «Не будь слишком резвым вне могилы, призрак!» (рис. 31).

Если вспомнить о таких деталях, как медные лампы, принесённые в жертву животные, а также о мифологических сюжетах на коврах и резьбе на многочисленных предметах, то курган со своим интерьером предстаёт своеобразным языческим святилищем. К тому же сама топография кургана, а именно его расположение на довольно большом расстоянии от побережья, в низменной части долины, типична для болотистых или покрытых водой мест жертвоприношений, в большом количестве известных, например,

*Рис. 33. Изображение большого кургана
с рунической надписью «Жилище богов».
Деталь мотива на ковре из Оверхёгдаль,
Емтланд (фото автора)*

в Дании. «Сага об Инглингах» описывает курган Фрейра в виде жилища, имеющего двери и окна. В этой связи представляют интерес два мотива, запечатлённые на коврах из Оверхёгдаль в шведской провинции Емтланд (рис. 32). На одном из них видим фигурку человека, сидящего на стуле. Стул установлен на вершине конического сооружения. По одной из сторон этого сооружения взбирается верхом всадник с поднятым топором. В этом мотиве видели символическое изображение христианского миссионера, угрожающего языческому храму, либо изображение Сигурда Убийцы Фафнира, будящего валькирию Сигрдриву на горе Хиндарфьяль (см. Речи Сигрдривы. Старшая Эдда). Однако, скорее всего, этот мотив изображает ритуал «сидения на кургане», упоминаемый в древнесеверной литературе: сидеть на кургане или скатываться с него было символическим жестом перехода из одного социального статуса в другой. Учитывая это, во всаднике с топором уместно видеть посягателя на королевскую власть и собственность.

Другой курган изображён в виде усечённого конуса (трапеции), в плоскую вершину и верхнюю часть склонов которого вертикально воткнуты копы (рис. 33). Внутри сооружения находятся пять фигурок. Ниже сооружения выткана руническая надпись, объясняющая изображение: *gudbu*, т. е. усадьба, жилище богов. В этом строении исследователи видели символический образ Вальхаллы, дома или святилища. Более правдоподобным представляется видеть в обоих изображениях курганы. Руническая надпись является важной для интерпретации кургана в Осеберге как места королевского захоронения, но также как места, где должны были пребывать боги.

Итак, для разорения кургана могли быть разнообразные причины: поиск ценных вещей или же обезвреживание «живущего» в кургане мертвеца. Разграбление кургана, кроме того, могло иметь и символическое значение, например, в связи со вступлением во владение землёй нового хозяина.

ОБ ИРАНСКИХ СВЯЗЯХ ОСЕБЕРГА

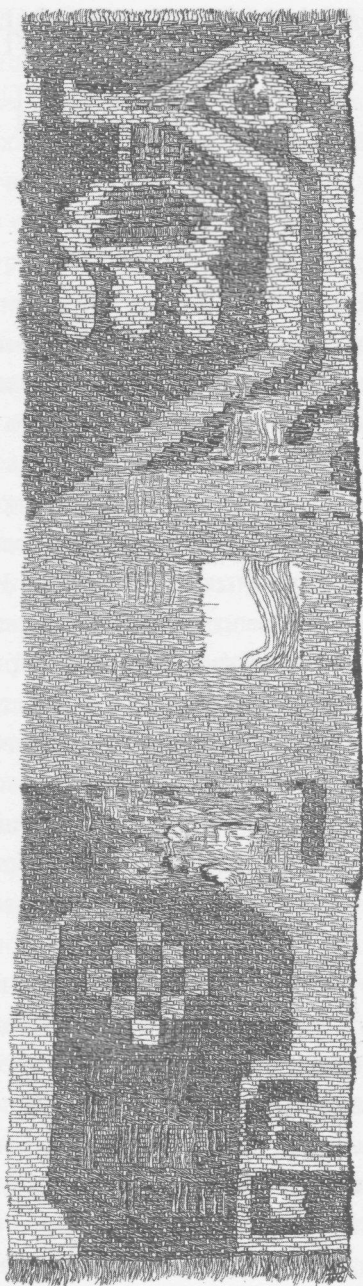
Я уже упоминал, что младшая женщина, захороненная в Осеберге, была родом из областей, прилегающих к Черному морю, возможно, территории Ирана. В связи с этим интересны важные наблюдения, сделанные исследователями во время изучения обнаруженного в этом погребении текстиля.

В кургане найдено 110 фрагментов шёлковых декоративных тканей, разрезанных на тонкие полоски шириной 0,5–1,9 см. Они разрезаны как вдоль продольных, так и поперечных нитей тканей. На полосках заметны следы сгиба и отверстий от иголки, которые свидетельствуют о том, что они были декоративными элементами, пришитыми к одежде, изготовленной из льняного полотна и шерсти. Установлено, что шёлковые ткани были различного качества и происходят из разных регионов.

12 фрагментов представляли собой вышивку шёлком византийского или ближневосточного происхождения. На этой ткани изображены большие медальоны со сценами охоты и дополняющим их геометрическим узором.

33 шёлковых фрагмента орнаментированы рядами геометрических фигур в виде комбинированного изображения, напоминающего двухлезвийный топор и листок клевера. На одном фрагменте сохранилось изображение птицы, держащей в клюве ожерелье с тремя подвесками (рис. 34). Это хорошо известный в персидском искусстве мотив, представляющий Шахроха, или царскую птицу, даровавшую властителю небесное благословение.

В раннем Средневековье одним из центров производства и распространения текстиля был город Джурджан на юго-восточном по-

*Рис. 34. Фрагмент декоративного шёлка персидского происхождения из погребения в Осеберге
(© Kulturhistorisk museum no Osebergfundet IV, p. 284)*

бережье Каспийского моря. Отсюда могла происходить часть тканей, обнаруженных в захоронении в Осеберге.

Насколько реальными с исторической точки зрения могут быть причерноморские или иранские связи Осеберга?

То, что скандинавы уже в первой половине IX в. активно торговали в странах Ближнего Востока, общеизвестно. Вопрос же о том, когда они вышли на византийский торговый рынок, пока остаётся без ответа. Мы располагаем некоторыми косвенными указаниями, позволяющими допустить, что это произошло также в первой половине IX в. Основанием для такого предположения является история одного обмена дарами, состоявшегося между двумя могущественными правителями раннесредневекового мира.

Во время правления халифа Абдулаха аль-Мамуна (786–833 гг.) в Багдад с богатыми подарками прибыло посольство византийского императора. Задумав отправить встречное дружественное подношение, халиф поинтересовался, что больше всего в цене у греков. «Мускус» и «соболя» — таков был ответ правителю. «Пошлите тогда им двести ратлов⁷ мускуса и две сотни соболиных шкур», — приказал правитель. Несмотря на отсутствие в рассказе прямого упоминания поставщиков пушнины, благодаря другим мусульманским источникам известно, что она доставлялась скандинавами-русами и обменивалась на восточные товары. Таким образом, несмотря на то, что в торговле русов преобладали страны Арабского халифата, какая-то часть их товаров всё же достигала и Византии.

В первой половине IX в. скандинавы уже были известны в Константинополе. Напомним о том, что император Феофил (829–842 гг.) в 839 г. снабдил их сопроводительным письмом и отправил в составе своего посольства в Ингельгейм, к императору Людовику Благочестивому. Некоторые из скандинавов, как например, Ингер — отец жены императора Василия I и любовницы Михаила III Евдокии (ок. 840–882), занимали важное положение при дворе.

⁷ Мера веса. Один ратл (ratl) в раннесредневековом Иране равнялся 321,428 г.

Об иранских связях константинопольского двора мы совершенно определённо можем судить также со времени правления императора Феофила, то есть времени, когда совершались захоронения в Осеберге.

Известно, что в начале царствия Феофила к нему перебежал со своим отцом и 14 000 персами знатный курд Наср, принявший впоследствии христианское имя Феофов. Его персы были последователями религиозного течения хуррамитов (смеси зороастризма с шиитским исламом), которые восстали против политики завоевания Арабского халифата. В 816 г. хуррамнты, возглавляемые Бабеком, подняли восстание, охватившее территории Ирака и Ирана. Поддерживаемые Византией, хуррамнты успешно противостояли четырём арабским армиям, но в конце концов под давлением арабов были вынуждены искать убежища у византийского императора Феофила.

Прибывших персов разделили по турмам и расселили по разным местам. До X в. эти турмы назывались персидскими. Персы стали приобретать всё большее влияние при дворе императора, а вскоре Феофил даже женил Феофова на сестре своей жены Феодоры. Византийские хроники утверждают, что Феофов был любим как персами, так и жителями Константинополя. Его растущая популярность со временем стала причиной озабоченности Феофила и в конце концов привела к падению и смерти предводителя персов.

Персы при дворе императора несли воинскую службу — ту самую, которую после них переняли скандинавы. Благодаря персам к началу X в. в придворном церемониале начал использоваться особый тип скреплённого фибулой плаща (φιβλατόριον)⁸, которым император награждал лиц достойных почётного титула вестетор (βεστίτωρ). Таким

⁸ Эта одежда названа персидской в византийском словаре X в. «Суда» — <http://www.stoa.org/sol-bin/findentry.pl?keywords=phi+288>. Она также упомянута в византийской «Книге Церемоний» — Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies, translated by Ann Moffatt and Maxeme Tall, with the Greek text of the Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae (Bonn 1829). Byzantina Australiensia vol. 18:1–2 (Canberra 2012), 708, прим. 3.

образом, двор Феофила представляется той идеальной социальной и культурной средой, в которой из персидского шёлка шили парадную одежду, где шёлк являлся дорогим подарком и наградой и откуда через посредников он мог попасть в Скандинавию.

Шёлковые изделия Осеберга в виде разрезанных узких полосок могут говорить о двух вещах — строго регламентированной византийскими законами торговле шёлком (в которой запрещалось продавать большие объёмы ткани), а также его варварском использовании, когда редкая и дорогостоящая ткань разрезалась без учёта её функционального назначения и декора.

Шёлк Осеберга — это не роскошная одежда византийской и персидской знати, а её жалкие обрывки, но, несмотря на это, он всё же может служить указанием на то, что младшая женщина, возможно, являлась женой или наложницей конунга, а кроме того, была аристократического происхождения. Как уже говорилось, некоторые мотивы обнаруженных тканей характерны для персидской мифологии и имеют зороастрийскую символику. Этот нюанс важен в связи с предположением о происхождении женщины с территории Ирана.

В целом же, пытаясь ответить на вопрос о происхождении иранской женщины в захоронении Осеберга, мы должны допускать две возможности. Женщина могла быть рабыней, приобретенной купцами-русами где-то в регионе Каспийского моря и затем проданной или привезенной в Норвегию, или же она, как представительница осевшей в Константинополе курдской элиты, была выдана замуж за служившего там скандинавского вождя.

КТО ЖЕ БЫЛ ПОГРЕБЁН В ОСЕБЕРГЕ?

Есть ли какие-либо шансы узнать — кто же всё-таки был похоронен в Осеберге?

Изучение костных останков из захоронений кургана позволяет видеть в младшей женщине жену, рабыню или наложницу. Но вот кто была старшая женщина, остаётся загадкой. Характер её болезни позволяет предположить, что она не была замужем и, судя по тому, что страдала запущенной формой рака, могла расстаться с жизнью добровольно. На одном из обнаруженных в корабле вёдер сохранилась руническая надпись, интерпретированная как *á Sigriðr* то есть «Сигрид владеет». Эта находка любопытна, и вот почему. Обычно люди метят свои вещи, чтобы не перепутать с чужими. Традиционно считается, что весь инвентарь, обнаруженный в корабле, принадлежал королевскому хозяйству. Он опубликован в особом томе издания памятника, который так и был назван «Королевский двор». Однако находка ведра Сигрид даёт основание считать, что среди инвентаря находились вещи и других лиц. Поскольку младшая женщина была не скандинавского происхождения, остаётся предположить, что Сигрид — имя пожилой женщины. Сигрид, конечно, была не королевой, а, скорее всего, рабыней, служанкой или воспитательницей, добровольно отправившейся в потусторонний мир со своими хозяевами.

В декоративном убранстве корабля представлены мотивы «Поездки Брюнхильд в Хель», а также «Убийства Гуннара». Они связаны с циклом эпических повествований об обманном сватовстве Гуннара к Брюнхильд, которое привело к насильственной смерти

Сигурда Убийцы Фафнира. Происхождение этих мотивов исследователи видят в древнем свадебном ритуале, который, вероятно, был воспроизведен в погребальном обряде Осеберга и предполагал присутствие жениха. Это важное обстоятельство нужно учитывать, интерпретируя захоронение в Осеберге. Останки мужчины в кургане отсутствуют, но на них указывают такие очевидно мужские индикаторы, как седло и уздечка, составные части третьего комплекта вещей. Скорее всего, основное захоронение было мужским. Именно оно и стало целью ограбления кургана в Осеберге.

Разорение кургана датируется в диапазоне 950–990 гг. На роль его осквернителя могут претендовать несколько персонажей.

Недавно в работе, посвящённой этому вопросу, два датских археолога высказали предположение, что одним из разорителей мог быть Хакон Сигурдссон, который происходил из знатного рода ярлов в северной Норвегии. На первый взгляд, с этим можно согласиться, ведь у Хакона действительно могли быть веские основания. При сыновьях Эйрика Кровавая Секира Хакон являлся ярлом Трондхейма, но был изгнан ими и нашёл убежище в Дании у короля Харальда Гормссона. В это время он мог испытывать острую нужду в поисках легитимности своих претензий на владения в Норвегии. Известно, что Эвинд Погубитель Скальдов после победы Хакона над викингами в 985 г. сочинил в его честь песню «Перечень Халейгов». Песня, сохранившаяся во фрагментах, представляет собой имитацию «Перечня Инглингов» и перечисляет всех великих предков Хакона, с местами их погребения, а его род возводит к Одину. В этой песне места погребений предков выступают явной демонстрацией величия рода Хакона, а это, в свою очередь, даёт основание заподозрить его в умышленном разрушении могил, которые традиция связывала с Инглингами. Такому предположению, впрочем, противоречит одно «но». Согласно Снорри Стурлусону, бабушкой Хакона по матери была Алов Краса Года дочь Харальда Прекрасноволосого, и он таким образом приходился дальним родственником сыновьям Эйрика Кровавая Секира.

Ещё больше оснований для разрушений курганов Инглингов имел датский король Харальд Гормссон (он же Харальд Синезубый). Происхождение его отца, Горма, неизвестно. Согласно Адаму Бременскому, род Горма берёт свое начало из Nortmannia и сменил правившую в Дании шведскую династию. Указание на смутную «Норманнию», скорее всего, свидетельствуют о том, что о происхождении и знатности рода Горма ничего не было известно. Около 950 г. Харальд начинает активные попытки подчинить себе Норвегию. Но в 962 г. умирает Хакон Добрый, и власть в Норвегии достаётся сыновьям Эйрика Кровавая Секира. Они изгоняют из страны упомянутого выше ярла Хакона. Хакон, найдя убежище в Дании, помогает Харальду завоевать Норвегию в обмен на наместничество над северной и юго-западной частями страны. Около 974 г. Хакон начинает войну с Харальдом Синезубым и становится полновластным правителем Норвегии. Но восточная часть Норвегии, включая область Вик, была ему неподвластна. Именно в это время разоряется не только Осеберг, но и один из курганов в Гокстаде.

Есть основания считать, что вождь, погребённый в кургане Осеберга, имел отношение к тем конунгам, власть которых распространялась как на западные, так и восточные территории Норвегии. Изучение корабля Осеберга показало, что он был построен на западе, в Рога-ланде, в окрестностях острова Кармёй. Отсюда же происходит одна из трёх маленьких лодок, обнаруженных в корабле кургана в Борре. На северо-западном побережье острова находился мыс Авальдснес — резиденция конунга Харальда Прекрасноволосого. В окрестности резиденции расположены большие курганы — Стурхауг, Грэнхауг и Флагхауген. Два первых содержали захоронения в кораблях, изготовленных из той же породы дерева, что и ладья из Осеберга.

Среди норвежских конунгов только один мог бы претендовать на роль погребенного в Осеберге — Гудрёд Конунг Охотник, отец Хальвдана Чёрного и дед Харальда Прекрасноволосого. О нём мы знаем благодаря «Перечню Инглингов» и «Саге об Инглингах». Гудрёд — более мифический, нежели исторический персонаж. Соглас-

но сказаниям, Гудрёд был сыном восточнонорвежского конунга Эйстейна Хальвданссона и принцессы Лив, дочери короля Дага. В текстах, датированных более ранним временем, говорится, что Гудрёд был королём норвежского Оппланда. Собственно, о том, что он владел и Вестфольдом, мы узнаём только из позднего источника — «Саги об Инглингах» Снорри Стурлусона. От брака с Альвхильд из области Альвхейм (современная шведская провинция Богуслен, рис. 1) у Гудрёда родился сын — Олав Гейрстад-Альв. После смерти Альвхильд Гудрёд посватался к Осе — дочери конунга Агдера Харальда Рыжебородого, но ему было отказано. Гудрёд из мести убил Харальда и завладел Осой силой. От брака с Осой у него родился сын Хальвдан Чёрный. Вскоре на пиру в Стивлесунд Гудрёд пал от руки слуги Осы. Именно с этой Осой многие учёные и связывали захоронение в Осеберге. Однако Сага о Хальвдане Чёрном утверждает, что после смерти Гудрёда Оса сразу же вернулась на запад в Агдир, где стала править во владениях, принадлежавших её отцу. О месте же погребения Гудрёда ничего неизвестно, также как не известно и место его убийства. Нужно заметить, что в обществе эпохи викингов смерть от руки раба считалась малопочётной и вполне могла бы объяснить, почему курган Гудрёда находится не среди королевских курганов в Борре, странную топографию Осеберга, а также присутствие в резьбе телеги эпического мотива мести Гудрун своему мужу конунгу Атли за убийство своих братьев — Гуннара и Хёгни. Вырезанная на переднем борту телеги фигурка Гудрун с ножом — несомненно, визуальная аллегория Осы, мстительницы мужу Гудрёду за убийство отца и принудительное замужество.

Конунг Гудрёд представляется наиболее подходящим кандидатом на роль погребенного в Осеберге ещё и по иной причине. Его власть распространялась как на восточные, так и на западные территории Норвегии. О западных связях Гудрёда говорят некоторые археологические находки.

Известно, что именно на западном побережье Норвегии найдено довольно много металлических изделий ирландского проис-

Рис. 35. Декоративное ведро ирландского происхождения из Осеберга

хождения. Они представляют собой как украшения, так и орнаментированные детали церковной утвари. Эти вещи — материальные свидетельства грабительских походов викингов. Найдены они и в Осеберге, к ним относятся накладки и ведро (рис. 35) — трофеи, которыми конунг мог завладеть в своих походах на запад.

Рис. 36. Котёл-урна ирландского происхождения с положенными внутри умбонами щитов из погребения в Миклебостал в западной Норвегии (no Østigård 2007, fig. 4.4)

Близкой аналогией антропоморфной фигурке на ведре является аналогичное украшение на котле-урне, обнаруженной в большом кургане с сожжённым кораблём в Микелбостад на западе Норвегии (рис. 36). В урне находилось 12 железных умбонов от щитов, над которыми было сложено в кучу оружие: два меча, два копья, один топор, три умбона, три наконечника стрелы и нож. Это явно погребение вождя дружины, ходившего в дальние походы.

Первый известный нам поход викингов в Ирландию датируется 795 г. Тогда они напали на остров Ратлин (Rechru), расположенный у северо-западного побережья Ирландии. А в 798 г. нападению подвергся Остров св. Патрика у восточного побережья. Эти походы, в которых участвовали небольшие флотилии, были своего рода разведывательными. Целью нападений всё чаще становились церкви и монастыри. В 802 и 806 гг. была разорена церковь св. Ионы, а в 807 г. викинги сожгли монастырь Инишмуррэй (Innishmurray) и опустошили Роскам на западном побережье (Roscam Oramore, Galway Bay). Новая волна нападений викингов обрушилась на Ирландию в 821 г. (время, близкое к сооружению осебергского корабля). Они разоряют монастырь Скеллиг (Skellig), а в 823–825 гг. монастыри на северо-восточном побережье — Бангор (Bangor), Даун (Down) и Мовилла (Movilla). Наконец, в 831 и 832 гг. похожая участь постигла монастыри Конаиллне (Conaillne), Мукно (Muckno), Лоут (Louth) и другие.

Таким образом, представляется вполне вероятным, что похороненный в Осеберге вождь был правителем Вестфольда, возглавлявшим походы как на запад, так и восток (см. выше об иранских связях Осеберга). Скорее всего, во второй половине X в. место его погребения рассматривалось как королевское захоронение одного из предков Харальда Прекрасноволосого. Во всяком случае, существование этих курганов в Вестфольде легитимизировало власть потомков этого короля. Новым же претендентам на эту область они были не нужны.

Пытаясь утвердиться в Вестфольде, Харальд Синезубый имел основания для разорения старых курганов. Представитель малоизвестной династии, он принялся за сооружение собственного монументального погребального комплекса в датском Еллинге. Для этого Харальд использовал большой курган эпохи бронзы, на вершине которого он около 960 г. соорудил погребальную камеру для своего отца Горма (рис. 37). На кургане им был установлен один рунический камень, в то время как другой

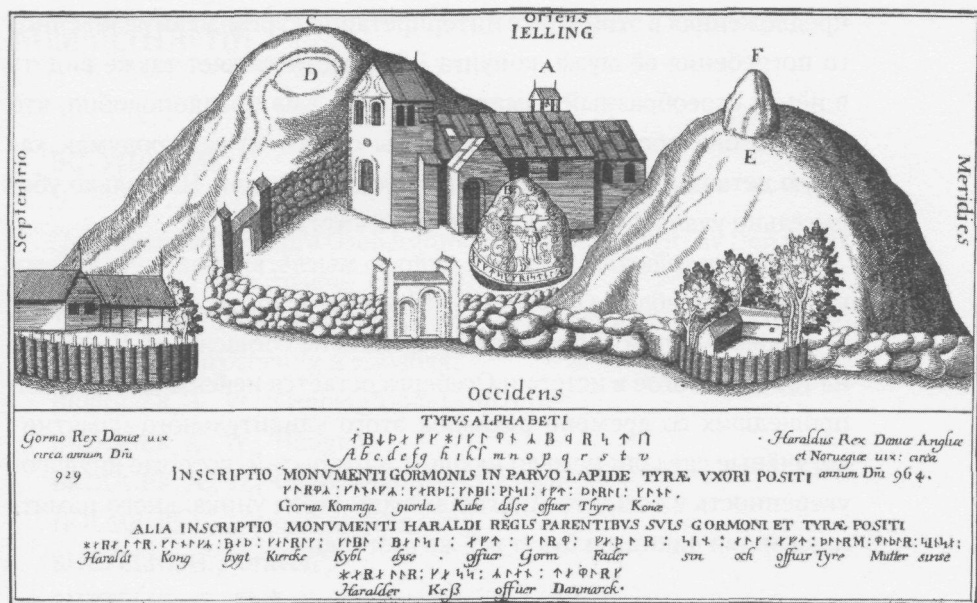

Рис. 37. Иллюстрация Хенрика Рантзауса: комплекс в Еллинге в Дании
(no Jakobsen., Moltke, 1942)

камень Харальд разместил между этим и соседствующим большим курганом.

Текст рунической надписи очень красноречив: «Король Харальд сделал этот памятник в память Горма, своего отца, и Тюры, своей матери. Тот Харальд, который стал правителем Дании и Норвегии и сделал датчан христианами». Временем Харальда Синезубого датируется разорение воздвигнутого около 925 г. монументального кургана с захоронением в ладье в Ладбю, на острове Фюн. Характер разрушения напоминает аналогичные случаи в Гокстаде и Осеберге и позволяет связать эти символические акции с именем датского короля Харальда.

Таким образом, сегодня очевидно, что Осеберг не является местом захоронения королевы Осы, как это считалось прежде. Однако

предложенная в этой книге интерпретация кургана как разорённого погребения её мужа, конунга Гудрёда, позволяет также видеть в нём и своеобразный памятник Осе. Весьма правдоподобно, что именно она организовала похороны своего мужа, продумав каждую деталь и оставив нам ряд ребусов и загадок. Насколько убедительно удалось их решить — судить читателю.

Остаётся только вспомнить мудрую мысль, вырезанную рунами на дереве корабля в Осеберге — *lítillvíss (er) maðr*, то есть «мало знает человек», с чем действительно трудно не согласиться. Несмотря на то, что многое в истории Осеберга остаётся неясным, за 100 лет, прошедших со времени раскопок этого удивительного памятника, учёные сделали немало находок и открытий, которые внушают уверенность в том, что многие загадки этого уникального памятника эпохи викингов будут всё же разгаданы.

КОММЕНТАРИИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Публикация Осеберга Osebergfundet I, II, III, V, utgitt av Den Norsk Stat состоит из пяти томов:

Том I (Bind I, 1917) посвящён истории находки, описанию строения кургана, погребения и корабля:

BRØGGER, A., W., 'Osebergfundets historie'.

BRØGGER, A., W., 'Haugen'.

BRØGGER, A., W., 'Oseberghaugens historie'.

HOLMBOE, J., 'Oseberhaugens torv'.

SHETELIG, H., 'Graven'.

SHETELIG, H., 'Skibet'.

Том II (Bind II, 1928). В томе описывается погребальный инвентарь и рунические надписи:

GRIEG, S., Kongsgaarden.

OLSEN, M., 'Osebergfundets runeindskrifter'.

В III томе (Bind III, 1920) рассматриваются произведения искусства:

SHETELIG, H., Vestfoldskolen.

В IV томе (Bind IV, 2006) публикуются находки текстиля:

CHRISTENSEN, A., E., NOCKERT, M., Tekstilene.

В V томе (Bind V, 1927) представлены остатки органических материалов, а также результаты антропологических исследований:

HOLMBOE, J., 'Nytteplanter og ugræs i Osebergfundet'.

SCHREINER, K., E., 'Menneskeknoklene fra Osebergskipet og andre norske jernalderfund'.

Единственное и оно же популярное обобщение этих пяти томов опубликовано в 1992 г. :

CHRISTENSEN, A. E., INGSTAD, A. S. and B. MYHRE, Oseberg

dronningens grav. В этой же книге на стр. 286–291 приведена вся старая литература. С библиографией после 1992 г. можно ознакомиться в следующих работах:

GANSUM, T., 1) Jernaldergravskikk i Slagendalen; 'Storhaugene i Vestfold — myter, politikk og arkeologiske tolkninger'; 3) 'Fra jord till handling'; 4) Hauger som konstruksjoner; GANSUM, T. and T. RISAN, 'Oseberghaugen — en stratigrafisk historie; ANDROSHCHUK, F., 'En man i Oseberggraven?'; HOLCK, P. 'The Oseberg Ship Burial'; BILL, J. and A. DALY, 'The plundering of the ship graves from Oseberg and Gokstad'.

Письмо профессора анатомии К. Э. Шрайнера приведено в статье — HOLCK, P., 'The Oseberg Ship Burial', 194–195. Публикации материалов, связанных с восстановлением кургана в Осеберге и перезахоронением в нём останков посвящён специальный выпуск ежегодника Vestfoldminne 1998/99, Tønsberg 1999.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ ОСЕБЕРГА

История раскопок Осеберга изложена Антоном Брёггером в первом томе издания —

BRØGGER, A., W., 'Osebergfundets historie' в Osebergfundet I. Ряд документов и фотографий опубликованы в специальном номере журнала Исторического общества Вестфольда — Vestfoldminne 1998/99, Tønsberg.

КОРАБЛЬ И КУРГАН

О названии усадьбы Осеберг — KORSLUND, F., 'Gårdsnavnet Oseberg'. Описание кургана и корабля опубликованы в первом томе Osebergfundet, а также суммированы в книге CHRISTENSEN, A., E., INGSTAD, A. S. and B. MYHRE, Oseberg dronningens grav, 80–153. Роль Осеберга в культурно-историческом ландшафте Вестфольда исследована в ряде работ Терье Гансума — GANSUM, T., 1)

Jernaldergravskikk i Slagendalen; 2) 'Fra jord till handling'; GANSUM, T. and T. RISAN, 'Oseberghaugen — en stratigrafisk historie'.

ИНТЕРЬЕР КОРАБЛЯ

Детальное описание и изображения всех предметов, обнаруженных в Осеберге, изложено во втором томе Osebergfundet — GRIEG, S., Kongsgaarden.

Аналізу месторасположения различных предметов в корабле в Осеберг посвящена специальная работа ARWILL-NORDBLADH, E., Genuskonstruktioner i nordisk vikingatid. Альтернативное видение феминистической интерпретации месторасположения ряда объектов в Осебере изложено в статье автора — ANDROSHCHUK, F., 'En man i Oseberggraven?'

В ПОИСКАХ КОНУНГОВ И КОРОЛЕВ

Первая интерпретация женского захоронения в Осеберге сделана Антоном Брёггером. Приведённая цитата опубликована в работе А. Брёггера — BRØGGER, A. W. 'Landskapet og Gaarden', Osebergfundet I, 27. Идея о связи одной из похороненных женщин с королевской средой сформулирована в статье BRØGGER, A., W., 'Osebergdronningen'. Оса, дочь короля Харальда Рыжебородого упоминается в «Перечне Инглингов» — см. текст и английский перевод в NORR, S., To Rede an to Rown, 67. Русский перевод Саги об Инглингов — Снорри Стурлусон. Круг Земной. Под ред. А. Я. Гуревича, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкой и М. И. Стеблин-Каменского, Москва, 1980. Об Осе — стр. 36–38. Критическое издание — Snorri Sturluson. Heimskringla, Utgivet af F. Jónsson, København 1911, 33–36.

Цитата Г. А. Гульдберга приведена по изданию — HOLCK, P. 'The Oseberg Ship Burial', 192. Антропологические исследования останков из Осеберга опубликованы в SCHREINER, K., E., 'Menneskeknoklene fra Osebergskibet og andre norske jernalderfund' и HOLCK, P., 'The

Oseberg Ship Burial'. См. также популярное обобщение этих результатов, написанной в феминистическом русле — NÆSS, E. M., 'Vikings afterlife voyage Osebergs elusive ladies'.

СКОЛЬКО ЖЕ БЫЛО ЗАХОРОНЕНИЙ?

Наиболее последовательно женская интерпретация погребения в Осеберге изложена в двух шведских работах — ARWILL-NORDBLADH, E., *Genuskonstruktioner i nordisk vikingatid*; GÖRANSSON, E.-M., *Bilder av kvinnor och kvinnlighet*. Цитата из Младшей Эдды приведена по изданию — Младшая Эдда, Ленинград, 1970.

Обзору находок вооружения в женских погребениях Эпохи викингов посвящена статья Л. Гардели — GARDELA, L., 'Warrior-women in Viking Age Scandinavia?'

Металлические накладки на уздечку рассмотрены в работе автора — ANDROSHCHUK, F., 'En man i Oseberggraven?'

О необъективности определения пола по кремированным костям — WELINDER, S., 'An experiment with the analysis of sex and gender of cremated bones'.

РИТУАЛ ПОГРЕБЕНИЯ

Ритуал погребения в Осеберге рассматривался наиболее предметно и основательно в следующих работах: GANSUM, T. and T., RISAN, 'Oseberghaugen — en stratigrafisk historie', 60–98; PRICE, N., 'Passing into poetry', 138–140.

Последовательность ритуала погребения в Осеберге, изложенная в этом параграфе, построена на работе автора — ANDROSHCHUK, F., 'En man i Oseberggraven?', 120–124. В реконструкции погребальной обрядности Осеберга использовано сочинение ибн-Фадлана, изданное под редакцией А. П. Ковалевского — КОВАЛЕВСКИЙ, А. П., Книга Ахмеда ибн-Фадлана, 143–144. Результаты дендрохронологического исследования древесины корабля и погребальной каме-

ры изданы в BONDE, N. and A. E. CHRISTENSEN, 'Dendrochronological dating of the Viking Age ship burials'.

МОТИВЫ И СОДЕРЖАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА КОВРАХ

Интерпретация Осеберга как захоронения языческой жрицы предложена в следующих работах:

GJESSING, G., 'Hesten i førhistorisk kunst og kultus'; INGSTAD, A. S., 'The interpretation of the Oseberg-find'; NÆSS, E., M., 'Vikings afterlife voyage Osebergs elusive ladies'.

Текстиль Осеберга опубликован в двух изданиях:

CHRISTENSEN, A. E. and M. NOCKERT, *Tekstilene*; KRAFFT, S., *Fra Osebergfunnets tekstiler*.

Работы, посвящённые анализу содержания мотивов на коврах из Осеберга:

ARWILL-NORDBLADH, E., *Genuskonstruktioner i nordisk vikingetid*; GÖRANSSON, E.-M., *Bilder av kvinnor och kvinnlighet*; HOUGEN, B., 'Osebergfunnets billedvev.'

Цитаты из Старшей Эдды приведены по изданию:

Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о нибелунгах, Библиотека всемирной литературы, Москва, 1975, и проверены по критическому изданию — *Edda: Die Lieder des Codex regius nebst verwandten Denkmälern I, Text 1*, Herausgegeben von Gustav Neckel, Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

МОТИВЫ И СОДЕРЖАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ТЕЛЕГЕ

Об убийстве братьев Гьюкингов говорится во Второй Песне о Гудрун, Плаче Оддрун, Гренландской Песни об Атли и Гренландских речах Атли — Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о нибелунгах, 302; 311:28, 29, 315:31; 322:59.

ИСКУССТВО ОСЕБЕРГА

Ранняя историография по искусству эпохи викингов представлена классическими работами:

MÜLLER, S., 'Dyreornamentiken i Norden'.

SALIN, B., Die altgermanische Thieornamentik.

Цитата из работы Х. Шетелига приведена по изданию SHETELIG, H. Queen Ása's Sculptors, 3–4.

До сих пор лучшим исследованием по искусству Осеберга является работа Х. Шетелига, «Вестфольдская школа», изданная в третьем томе Osebergfundet. Обобщение основных идей исследователя издано в упомянутой выше брошюре на английском языке — SHETELIG, H. Queen Ása's Sculptors. Короткое популярное обобщение изложено также в CHRISTENSEN, A. E., INGSTAD, A. S. and B. MYHRE, Oseberg dronningens grav, 154–166.

Разбор предметов из Осеберга в отношении их стилистической принадлежности и датировки опубликован в следующих публикациях:

ALMGREN, B., Bronsnycklar och djurornamentik; ARWIDSSON, G., Vendelstile, Email und Glas; FEVEILE, C., and S. JENSEN, 'Ribe in the 8th and 9th century'; FUGLESANG, S. H., 'Early Viking art'; JANSSON, I., 'År 970/971 och vikingatidens kronologi'; LINDQVIST, S., 'Yngre vikingastilar'; MÜLLER-WILLE, M., 1) 'Bild und Bildträger', 2) 'Tierstile des 8.–12. Jahrhunderts im Norden Europas'; PETERSREN, J., 'Eldre vikingestil'; SHETELIG, H., 1) 'Vestfoldskolen', 2) Classical impulses in Scandinavian art; WAMERS, E., 'Zwischen Salzburg und Oseberg'; WILSON, D. and O. KLINDT-JENSEN, 1) Vikingetidens kunst, 2) Viking Art; WILSON, D., 1) Vikingetidens konst, 2) 'The earliest animal styles of the Viking Age'.

КОРОЛЕВА ИЛИ ЖРИЦА?

Источники о жертвоприношении дисов рассматриваются в статье Терри Гуннель — GUNNEL, T., 'The Season of the Dísir'.

РИТУАЛЬНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ КУРГАНА?

О случаях ограблений курганов в древности :

BRENDALSMO, A. J. and G. RØTHE, 'Haugbrot eller de levendes forhold til de døde'; JANKUNHN, H., NEHLSSEN, H. and H. ROTH (eds.), Zum Grabfrevl in vor- und frühgeschichtlicher Zeit; KLEVNÄS, A. M., 'Whodunnit? Grave Robbery; ÞÓRARINSDÓTTIR E. A., Grave Revisited.

Роль человеческих костей в различных ритуалах Скандинавии:

GANSUM, T., 'Jernets fødsel og døens stål'; HAGBERG, L., När döden gästar;

MANSRUD, A. 'Å dyrke de døde'.

Ритуальное ограбление захоронений в Венделе рассматривалось в работах автора и Э. Клевнэс:

ANDROSHCHUK, F., 'En man i Osebergsgraven?'; KLEVNÄS, A. M., 'Abandon Ship!'.

Перезахоронение костей в связи с сооружением церквей:

МИХАЙЛОВ, К. А., 'Киевский языческий некрополь'; УСПЕНСКИЙ, Ф. Б., Скандинавы, Варяги, Русь; ANDROSHCHUK, F., Vikings in the East, 199–210.

Об ограблении Осеберга:

ANDROSHCHUK, F., 'En man i Osebergsgraven?; BRØGGER, A. W. 'Osebergsgraven — Haugbrottet'; CAPELLE, T., 'Grabraub im Wikingschen Norden'; MYHRE, B., 'Haugbrott eller gravplyndring i tidlig kristningstid?'; BILL J. and A. Daly, 'The plundering of the ship graves from Oseberg and Gokstad'.

Подвеска с рунической надписью из Ульвсунды издана А. Норденом и С. Пересветов-Мурат:

NORDÉN, A., Bidrag till svensk runforskning; PERESWETOFF-MORATH, S., Vikingatida runbleck.

Издания ковров с изображениями из Оверхёгдал в шведской провинции Емтланд:

FRANZÉN, A.-M. and M. NOCKERT, Bonaderna från Skog och Överhogdal; HORNEIJ, R., Bonaderna från Överhogdal.

О ритуале сидения на курганах —

ANDROSHCHUK, F., Vikings in the East, 131–144; Olrik, A., 'At sidde раа Ној'.

Ценная этнографическая информация о похоронных обычаях Швеции — HAGBERG, L., När döden gästar.

КТО ПОХОРОНЕН В ОСЕБЕРГЕ?

О интерпретации большой курганов в связи с местами захоронения скандинавских конунгов:

BRATT, P., Makt uttryckt i jord och sten; BRØGGER, A., Borrefundet; GANSUM, T., and T. RISAN, 'Oseberghaugen — en stratigrafisk historie'; LINDQVIST, S., 1) 'Ottarshögen i Vendel', 2) 'Ynglingaättens gravskick', 3) Uppsala högar och Ottarshögen; MYHRE, B. and T. GANSUM, Skipshaugen; NERMAN, B., 1) Vilka konungar ligga i Uppsala högar?, 2) 'Ottar Vendelkråka och Ottarshögen i Vendel'; NORR, S. To Rede and to Rown.

Русский перевод «Саги об Инглингах» издан в Снорри Стурлусон, Круг Земной. Москва, 1980, 11–37.

О соотношении «Перечня Инглингов» и «Саги об Инглингах» см. — KRAG, C., Ynglingatal og Ynglingesaga.

Критика работы Клауса Крага — SKRE, D. 'The Dating of Ynglingatal'.

ОБ ИРАНСКИХ СВЯЗЯХ ОСЕБЕРГА

Находки шёлка из Осеберга, а также их персидское происхождение рассмотрены в работах Марианны Веделер — VEDELER, M. 1) 'Fra silkeveien til Oseberg', 2) Silk for the Vikings.

Об Ингере:

MANGO, C., 'Eudocia Ingerina'.

О Феофове:

РЕКАЯ, М. 'Mise au point sur Théophobe'; ROSSER, J. 'Theophilus' Khurramite Policy'; SEVCENKO, I., 'Review of New Cambridge History'.

КТО ЖЕ БЫЛ ПОГРЕБЁН В ОСЕБЕРГЕ?

Рунические надписи Осеберга изданы во втором томе Osebergfundet

OLSEN, M., 'Osebergfundets runeindskrifter': их новое издание — Projektet Samnordisk runtextdatabas, 2004. 'Norges innskifter med de yngre runer', bind II, sid. 163, 165 — <http://www.arild-hauge.com/innskifter1.htm>.

Погребение в Микелбостад наиболее полно описано А. Лоранком — LORANGE, A., Samlingen af Norske oldsager, 153–161. Краткое описание находок изложено в Rygh O. Norske oldsager, 37, no 727. Недавно погребение и сам памятник рассмотрены в работе Терье Эстигорда — ØSTIGÅRD, T., Transformatøren, Ildens mester i jernalderen.

Письменным источникам и археологическим данным об ирландско-скандинавском контактом посвящена обширная литература. Последними публикациями на эту тему являются:

Ó CORRÁIN, DONNCHADH, "The Vikings and Ireland"; LARSEN, A.-CH. (ed.), The Vikings in Ireland; WAMERS, E., 1) 'Some ecclesiastical and secular Insular metalwork', 2) 'Insular Finds in Viking Age Scandinavia'; SHEEHAN, J., 'Viking Raiding'.

О монументальном комплексе в Еллинге существует целый ряд работ, важнейшими из которых являются:

KROGH, K. J., 1) 'The Royal Viking-Age Monuments', 2) Gåden om Kong Gorms Grav; KROGH, K. J. and B. LETH-LARSEN, Hedensk og Kristent; RANDBORG, K., 'King's Jelling'.

О корабле в Ладбю — SØRENSEN, A. C., Ladby. A Danish Ship-Grave.

ИСТОЧНИКИ

Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах, Библиотека всемирной литературы, Москва, 1975.

Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies, translated by Ann Moffatt and Maxeme Tall, with the Greek text of the Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae (Bonn 1829), Byzantina Australiensia vol. 18:1-2, Canberra 2012.

Edda: Die Lieder des Codex regius nebst verwandten Denkmälern I, Text 1, Herausgegeben von Gustav Neckel, Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

ЈАКОБСЕН, L. and E. МОЛТКЕ, Danmarks Runeindskrifter, København, 1942.

КОВАЛЕВСКИЙ, А. П., Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. (отрывок), Статьи, переводы и комментарии, Харьков, 1956.

Младшая Эдда. Издание подготовили О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Ленинград, 1970.

Olaus Verelius, Hervarar saga på Gammal Götska, Uppsala 1672.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. Под ред. А. Я. Гуревича, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкой и М. И. Стеблин-Каменского, Москва, 1980.

Snorri Sturluson. Heimskringla, Utgivet af F.Jónsson, København 1911.

БИБЛИОГРАФИЯ

ALMGREN, B., Bronsnycklar och djuornamentik vid övergången från vendeltid till vikingatid, Uppsala, 1955.

ANDROSHCHUK, F., 'En man i Oseberggraven? Fornvännen 100 (2005), 115–127.

ANDROSHCHUK, F., Vikings in the East. Essays on Contacts along the Road to Byzantium (800–1100), Uppsala, 2013.

ARWIDSSON, G., Vendelstile, Email und Glas im 7.–8. Jahrhundert, Uppsala, 1942.

ARWILL-NORDBLADH, E., Genuskonstruktioner i nordisk vikingatid. Förr och nu, Gothenburg: Gothenburg University, 1998.

BILL, J. and A. DALY, 'The plundering of the ship graves from Oseberg and Gokstad: an example of power politics?', *Antiquity* 86 (333), 2011, 808–824.

BONDE, N. and A. E. CHRISTENSEN, 'Dendrochronological dating of the Viking Age ship burials at Oseberg, Gokstad and Tune, Norway', *Antiquity* 67, 1993, 575–583.

BRATT, P., Makt uttryckt i jord och sten, Store högar och maktstrukturer i Mälardalen under järnåldern, Stockholm: Stockholm University, 2008.

BRENDALSMO, A. J. and G. RØTHE, 'Haugbrot eller de levendes forhold til de døde — en komparativ analyse', *Medeltidsarkeologisk tidskrift*, 1–2 (1992), 84–119.

BRØGGER, A., *Borrefundet og Vestfold Kongernes Graver*, Kristiania, 1916.

BRØGGER, A.W., 'Osebergdronningen', *Nordisk Tidskrift för Konst och Industri* (1919), 225–240.

BRØGGER, A. W. 'Oseberggraven — Haugbrottet', *Viking*, 9 (1945), 1–43.

CAPELLE, T., 'Grabraub im Wikingschen Norden', in Jahnkuhn, H. (ed.), *Zum Grabfrevel in vor- und frühgeschichtlicher Zeit, Untersuchungen zu Grabraub und haugbrot in Mittel- und NordEuropa*, Göttingen, 1978, 197–210.

CHRISTENSEN, A. E., INGSTAD, A. S. and B. MYHRE, *Oseberg dronningens grav. Vår arkeologiske nasjonalskatt i nytt lys*, Oslo, 1992.

FEVEILE, C., and S. JENSEN, 'Ribe in the 8th and 9th century', *A contribution to the archaeological chronology of North Western Europe*, *Acta Archaeologica* 71 (2000), 9–24.

FRANZÉN, A.-M. and M. NOCKERT, *Bonaderna från Skog och Överhogdal och andra medeltida väggbeklädnader*, Stockholm, 1992.

FUGLESANG, S. H., *Early Viking art*, *Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia*, Series altera in 8:o, vol. 2, Roma, 1982, 125–173.

GANSUM, T., *Jernaldergravskikk i Slagendalen: Oseberghaugen og storhaugene i Vestfold – lokale eller regionale symboler?* Oslo: Universitet i Oslo 1995.

GANSUM, T., 'Storhaugene i Vestfold – myter, politikk og arkeologiske tolkninger', *Arkeologi i centrum och periferi. Kontaktstencil 39*. Tromsø, 1996, 1–19.

GANSUM, T., 'Fra jord till handling', in Jennbert, K., Andrén, K. and C. Raudvere (eds.), *Plats och praxis – studier av nordisk förkristen ritual*, *Vägar till Midgård 2*, Lund, 2002, 249–286.

GANSUM, T., *Hauger som konstruksjoner- arkeologiske forventninger gjennom 200 år*, *Gotars Serie B*, Gothenburg Archaeological Thesis No 33, Gothenburg, 2004.

GANSUM, T., 'Jernets fødsel og døens stål. Rituell bruk av bein', *Minne och myt – konsten att skapa det förflutna*, in Berggren Å., Arwidsson S. and A.-M. Hållands (eds.), *Vägar till Midgård*, Lund, 2004, 121–158.

GANSUM, T. and T. RISAN, 'Oseberghaugen – en stratigrafisk historie'. *Vestfoldminne 1998/99*, Tønsberg, 60–98.

GARDELA, L., 'Warrior-women in Viking Age Scandinavia? A preliminary archaeological study', *Analecta Archaeologica Ressoviensia*

2013/8, 273–339.

GJESSING, G., 'Hesten i førhistorisk kunst og kultus', Viking 7 (1943), 5–143.

GÖRANSSON, E.-M., Bilder av kvinnor och kvinnlighet, Genus och kroppsspråk under övergången till kristendomen, Stockholm, 1999.

GUNNEL, T., 'The Season of the Dísir: The Winter Nights, and the Dísablót in Early Medieval Scandinavia Belief', Cosmos 16:2 (2000), 117–149.

HAGBERG, L., När döden gästar. Svenska folkseder och svensk folketro i samband med död och begravning, Stockholm, 1937.

HOLCK, P. 'The Oseberg Ship Burial, Norway: New Thoughts On the Skeletons From the Grave Mound', European journal of Archaeology, vol. 9. nos 2–3, (2006), 185–210.

HORNEIJ, R., Bonaderna från Överhogdal, Östersund, 1991.

HOUGEN, B., 'Osebergfunnets billedvev.', Viking 4 (1940), 85–124.

INGSTAD, A. S., 'The interpretation of the Oseberg-find', in CRUMLIN-PEDERSEN, O. and B. MUNCH (eds.), The Ship as symbol in prehistoric and medieval Scandinavia, Copenhagen, 1995, 139–148.

JANKUNHN, H., NEHLSSEN, H. and H. ROTH (eds.), Zum Grabfrel in vor- und frühgeschichtlicher Zeit Untersuchungen zu Grabraub und «haugbrot» in Mittel- und Nordeuropa, Bericht über ein Kolloquium der Kommission für die Altertumskunde Mittel - und Nordeuropas vom 14.–16. Februar 1977, Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse.3.Folge, Band 113. 1. Auflage Göttingen, 1978.

JANSSON, I., 'År 970/971 och vikingatidens kronologi', in Iversen, M. (ed.), Mammen, Grav, kunst og samfund i vikingetid Moesgård, 1991, 267–284.

KLEVNÄS, A. M., 'Whodunnit? Grave Robbery in Anglo-Saxon England and the Merovingian Kingdoms', BAR International Series 2582, Oxford, 2013.

KLEVNÄS, A. M., 'Abandon Ship! Digging out the Dead from the Venfrel Boat-Graves', Norwegian Archaeological Review (2015), 1–20.

- KORSLUND, F., 'Gårdsnavnet Oseberg', *Maal og Minne* 1 (2000), 1–6.
- KRAFFT, S., *Fra Osebergfunnets tekstiler: Fragmenter av billedvev og silkestoffer med rekonstruerte*, Oslo, 1955.
- KRAG, C., *Ynglingatal og Ynglingesaga: en studie i historiske kilder*, Oslo 1991.
- KRAG, C. 'Gudrød Veidekonge', *Store norske leksikon*, https://nbl.snl.no/Gudr%C3%B8d_Veidekonge
- KROGH, K. J., 'The Royal Viking-Age Monuments at Jelling in the Light of Recent Archaeological Excavations', *Acta Archaeologica* 53 (1982), 86–216.
- KROGH, K. J., *Gåden om Kong Gorms Grav. Historien om Nordhøjen i Jelling, Vikingekongernes Monumenter i Jelling, Bd. 1*, København, 1993.
- KROGH, K. J. and B. LETH-LARSEN, *Hedensk og Kristent. Fundene fra den kongelige gravhøj i Jelling. Vikingekongernes Monumenter i Jelling, Bd. II*, København, 2007.
- LARSEN, A.-CH. (ed.), *The Vikings in Ireland*, Roskilde, 2001.
- LINDQVIST, S., 'Ottarshögen i Vendel', *Fornvännen* 1917, 127–143.
- LINDQVIST, S., 'Ynglingaättens gravskick', *Fornvännen* 1921, 83–194.
- LINDQVIST, S., 'Yngre vikingastilar', *Kunst, Nordisk kultur, XXVII*, Stockholm, 1931, 144–179.
- LINDQVIST, S., *Uppsala högar och Ottarshögen*, Stockholm, 1936.
- LØKKEN, K., *Viking Age Sites in Northern Europe. Vesfold ship burials. Management plan 2012–2016* (Oslo, 2014).
- LORANGE, A., *Samlingen af Norske oldsager i Bergens museum*, Bergen, 1876.
- MANGO, C., 'Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty', *Zbornik radova Vizantoloskog Instituta, XIV–XV* (1973), 17–27.
- MANSRUD, A. 'Å dyrke de døde – knoklenes metaforik i jernalderens branngravsskikk', *Primitive tider* 7 (2004), 23–34.
- МИХАЙЛОВ, К. А., 'Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная', *Российская археология*, 2004, 1, 35–45.

MYHRE, B., 'Haugbrott eller gravplyndring i tidlig kristningstid?', in Hansen J. I., Bjerva, K. G. and I. Lønning (eds.), 1000 år med kristendom, Brytningstid i Viken Oslo: Borre Historielag/Schibsted, 1994, 68–85.

MYHRE, B. and T. GANSUM, Skipshaugen 900 e.Kr. Borrefunnet 1852–2002, Larvik, 2003.

MÜLLER, S., 'Dyreornamentiken i Norden. Dens oprindelse, udvikling, og forhold til samtidige stilarter. En archæologisk undersøgelse', Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. Kjøbenhavn, 1880.

MÜLLER-WILLE, M., 'Bild und Bildträger. Beispiele im Borre- und Jellingestil', Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte, Akten des 1. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 15. Bis 19. Februar 1983, Marburg, 1986, 155–174.

MÜLLER-WILLE, M., 'Tierstile des 8.–12. Jahrhunderts im Norden Europas, Dendrochronologie und kunsthistorische Einordnung', in M. Müller-Wille and L. O. Larsson (eds.), Tier, Menschen, Götter, Wikingerzeitliche Kunststile und ihre neuzeitliche Rezeption, Göttingen, 2001, 215–250.

NERMAN, B., Vilka konungar ligga i Uppsala högar?, Uppsala, 1913.

NERMAN, B., 'Ottar Vendelkråka och Ottarshögen i Vendel', Upplands fornminnesförenings tidskrift, 7 (1917), 309–334.

NORDÉN, A., Bidrag till svensk runforskning, Antikvariska studier I, Stockholm, 1943.

NORR, S., To Rede an to Rown, Expressions of Early Scandinavian Kingship in Written Sources, Uppsala, 1998.

NÆSS, E. M., 'Vikings afterlife voyage Osebergs elusive ladies', Current World Archaeology. issue 45, February/March 2011, 48–52.

Ó CORRÁIN, DONNCHADH, "The Vikings and Ireland", in: Brink, S. and N. Price (eds.), The Viking world, London and New York, 2008. 428–433.

Ølrik, A., 'At sidde paa Hoj', Danske Studier 1909, 1–10 — <http://danskestudier.dk/materiale/1909.pdf>

ØSTIGÅRD, T., Transformøren, Ildens mester i jernalderen, Göteborg, 2007, 59–104.

PERESWETOFF-MORATH, S., Vikingatida runbleck, Om läsningar och tolkningar, Uppsala, 2017.

PETERSREN, J., 'Eldre vikingestil', Kunst, Nordisk kultur, XXVII, Stockholm, 1931, 124–143.

RANDBORG, K., 'King's Jelling: Gorm & Thyra's Palace — Harald's Monument & Grave — Svend's Cathedral', Acta Archaeologica 79 (2008), 1–23.

REFSDAL I. Norges historie fremstillet for det norske folk I–2. Kristiania, 1910.

REKAYA, M. 'Mise au point sur Théophobe et l'alliance de Babek avec Théophile (833/834–839/840)', Byzantion 44 (1977), 43–67.

ROSSER, J. 'Theophilus' Khurramite Policy and its Finale: The Revolt of Theophobus' Persian Troops in 838'. Βυζαντινά 6 (1974), 263–271.

RYGH, O., Norske oldsager ordnede og forklarede, Christiania, 1885.

SALIN, B., Die altgermanische Thieornamentik. Typologische Studie über germanische Metallgegenstände aus dem IV. bis IX. Jahrhundert, nebst einer Studie über irische Ornamentik. Stockholm, 1904.

SEVCENKO, I., 'Review of New Cambridge History of the Byzantine Empire'. Slavic Review 27 (1968), 109–118.

SHEEHAN, J., 'Viking Raiding, Gift-Exchange and Insular Metalwork in Norway', in Reynolds, A. and L. Webster (eds.), Early Medieval Art and Archaeology in the Northern World, Studies in Honour of James Graham-Campbell, Leiden, 2013, 809–824.

SHETELIG, H., 'Vestfoldskolen', in Osebergfundet III, Kristiania, 1920.

SHETELIG, H. Queen Ása's Sculptors, Wood Carvings found in the Oseberg Ship, Norway, London, 1928, 3–4.

SHETELIG, H. Classical impulses in Scandinavian art from the Migration period to the Viking Age, Oslo, 1949.

SKRE, D. 'The Dating of Ynglingatal' in Skre, D. (ed.), Kaupang in Skiringssal, Norske Oldfund 22, Aarhus, 2007, 407–28.

SØRENSEN, A. C., Ladby. A Danish Ship-Grave from the Viking Age, Ships and Boats of The North, Vol. 3; Viking Ship Museum in collaboration

with the National Museum of Denmark and Kertemindeegnens Museer, Roskilde 2001.

УСПЕНСКИЙ, Ф. Б., Скандинавы, Варяги, Русь. Москва, 2002., 141–168.

VEDELER, M., 'Fra silkeveien til Oseberg', Viking LXXIV, (2011), 137–148.

VEDELER, M., Silk for the Vikings, Oxford, 2014.

WAMERS, E., 'Some ecclesiastical and secular Insular metalwork found in Norwegian Viking graves', Peritia, 2 (1983), 277–306.

WAMERS, E., 'Insular Finds in Viking Age Scandinavia and the State Formation of Norway' in Clarke, H. B., Ní Mhaonaigh, M. and R. Ó Floinn (eds.), Ireland and Scandinavia in the Early Viking Age, Dublin, 1998, 37–72.

WAMERS, E., 'Zwischen Salzburg und Oseberg, Zu Ursprung und Ikonographie des nordischen Greiftierstils', Völker an Nord- und Ostsee und die Franken, Akten des 48. Sachsensymposiums in Mannheim vom 7. bis 11. september 1997. Hrsg. U. von Freden, U. Koch und A. Wiczorek, Bonn, 1999, 195–228.

WILSON, D. and O. KLINDT-JENSEN, Vikingetidens kunst, København, 1966.

WILSON, D. and O. KLINDT-JENSEN, Viking Art, London, 1966.

WILSON, D., Vikingatidens konst, Lund, 1995.

WILSON, D., 'The earliest animal styles of the Viking Age', Tiere, Menschen, Götter, Wikingerzeitliche Kunststile und ihre neuzeitliche Rezeption. in M. Müller-Wille and L. O. Larsson (eds.), Tier, Menschen, Götter, Wikingerzeitliche Kunststile und ihre neuzeitliche Rezeption, Göttingen, 2001, 131–156.

PÓRARINSDÓTTIR E. A., Grave Revisited: On Grave Robbery in Viking Age Iceland, Bachelor of Arts Thesis, University of Iceland, 2008. http://skemman.is/stream/get/1946/3393/10565/1/Erna_Thorarinsdottir_fixed.pdf

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ И ИХ ИСТОЧНИКОВ

Кроме публикаций в данной книге использованы иллюстрации фотопортала Kulturhistorisk museum, Universitetet i Oslo (<http://www.khm.uio.no/om/tjenester/foto/fotosamlinger-pa-nett/index.html>) в соответствии с существующим законодательством (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.no>).

Рис. 1. Карта области Вик (по Refsdal 1910, p. 55).

Рис. 2. Общий вид кургана и ландшафта (по Løkken 2014, p. 70, fig. 4, фото Arve Kjershjem).

Рис. 3. Стратиграфия кургана, которая показывает, что курган был наполовину открыт. В стенке раскопа виден чёткий контраст между грунтом тёмного и светлого цвета, которые представляют два этапа сооружения насыпи. Светлый грунт — дёрн, который был положен во время окончательного сооружения насыпи (по Osebergfundet I, fig. 89).

Рис. 4. Скелеты женщин, обнаруженных в погребении кургана в Осеберг (фото Johnsen, Eirik Irgens, © Kulturhistorisk museum).

Рис. 5: а — седло из Осеберга (по Osebergfundet II, fig. 89, Pl. XVIII), б — бантовидные и круглые орнаментированные накладки с бруи из Осеберга (по Christensen et al. 1992, p. 96–97).

Рис. 6. Пара кожаной обуви из захоронения кургана в Осеберге (© Kulturhistorisk museum).

Рис. 7. Гребни из захоронения кургана в Осеберге (© Kulturhistorisk museum).

Рис. 8. Останки принесённого в жертву быка, обнаруженные в кормовой части корабля (по Osebergfundet I, Pl. XII).

Рис. 9. Месторасположения телеги, кроватей, корыта с носилками, бочек, вёсел и якоря в носовой части корабля (по Osebergfundet I, Pl. XIV).

Рис. 10. Форштевень корабля привязан к каменному блоку (по Osebergfundet I, fig. 31).

Рис. 11. Фрагмент ковра №1 (по Kraft 1955, p. 30).

Рис. 12. Фрагмент ковра №2 (по Kraft 1955, p. 31).

Рис. 13: 1 — резные драконьи головы с ранглерами (по Osebergfundet I, fig. 22; 2 — их изображение на фрагменте ковра №11 (по Kraft 1955, p. 38).

Рис. 14: 1 — палатковидная конструкция с резными головами драконов, 2 — палатка с аналогичным украшением, изображённая на фрагменте ковра № 9 (по Kraft 1955, p. 37), 3 — ткацкий станок, обнаруженный в погребении и изображённый на фрагменте ковра № 9.

Рис. 15. Четыре типа повозок, изображённых на коврах (по Androshchuk 2005, Fig. 6).

Рис. 16. Фрагмент ковра №3 с изображением сцены Рагнарёк и Вальхаллы (по Kraft 1955, p. 42).

Рис. 17. Фрагмент ковра №6 с изображением мотива поездки Брюнхильд в Хель (по Kraft 1955, p. 35).

Рис. 18. Резная телега из погребения из Осеберга (© 2017 Kulturhistorisk museum).

Рис. 19. Мотив «Гуннар в змеиной яме», вырезанный на передней стенке телеги (© Kulturhistorisk museum).

Рис. 20. Звериный мотив, вырезанный на задней стенке телеги (© Kulturhistorisk museum).

Рис. 21. Изображение Гуннара, Гудрун и Атли на правой боковой стенке короба телеги (Источник: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Osebergvognen_-_no-nb_digifoto_20150210_00227_NB_MIT_FNR_16994.jpg?uselang=sv).

Рис. 22. Резной штевень работы «Мастера корабля» (фото автора).

Рис. 23. Резной столб работы «Академика» ([http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Poteau_%C3%A0_t%C3%AAte_animale_tombe_viking_dOseberg_\(4838835094\).jpg?uselang=sv](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Poteau_%C3%A0_t%C3%AAte_animale_tombe_viking_dOseberg_(4838835094).jpg?uselang=sv)).

Рис. 24. «Сани Шетелига» (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Fra_Osebergfunnet_-_no-nb_digifoto_20150217_00183_NB_MIT_

FNR_16734_A.jpg?uselang=sv).

Рис. 25. Мотив «хватающего зверя» (© Kulturhistorisk museum).

Рис. 26. Деталь резной оглобли, изготовленной «Мастером Барокко» (фото автора).

Рис. 27. «Четвёртые сани» – работа «Импрессиониста» (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Fra_Osebergfunnet_-_no-nb_digifoto_20150217_00176_NB_MIT_FNR_16750.jpg?uselang=sv).

Рис. 28. Разрез кургана с кораблём с указанием грабительского хода (© Kulturhistorisk museum).

Рис. 29. План верхнего слоя грабительского хода в кургане (по Osebergfundet I, pl. VI). На плане изображены обнаруженные здесь носилки, остатки одной кровати и один ткацкий станок.

Рис. 30. Деревянные лопаты, обнаруженные в кургане Осеберг (по Osebergfundet II, pl. XVII).

Рис. 31. Медный амулет с рунической надписью из шведского кургана, обнаруженного в Ульвсунде (рисунок по Peresvetoff-Mourat 2017).

Рис. 32. Фигурка человека, сидящего на троне на большом кургане, изображённом на ковре из Оверхёгдаль, Емтланд (фото автора).

Рис. 33. Изображение большого кургана с рунической надписью «Жилище богов». Деталь мотива на ковре из Оверхёгдаль, Емтланд (фото автора).

Рис. 34. Фрагмент декоративного шёлка персидского происхождения из погребения в Осеберге (© Kulturhistorisk museum по Osebergfundet IV, p. 284).

Рис. 35. Декоративное ведро ирландского происхождения из Осеберга (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Buckle_from_Oseberg_Vikingship_Buddha.JPG?uselang=sv).

Рис. 36. Котёл-урна ирландского происхождения с положенными внутрь умбонами щитов из погребения в Миклебостал в западной Норвегии (по Østigård 2007, fig. 4.4).

Рис. 37. Иллюстрация Хенрика Рантзауса: комплекс в Еллинге в Дании (по Jakobsen., Moltke, 1942).

SUMMARY

Oseberg is one of the most striking graves of the Viking Age. Discovered in 1904, just before the dissolution of the Swedish – Norwegian union, it quickly became a source of national pride for Norway. The burial has been publicised in a multitude of museum exhibitions throughout the world and through a five tome publication on several aspects of the burial. Over the course of more than a century, the burial has been in the centre of many studies on specific aspects of the grave: burial customs, art objects, the ship, bones, and textiles. Despite this there is yet to be a work that would bring together and evaluate all these studies, providing a comprehensive overview of the burial. The grave was thought to have contained the remains of a Norwegian Queen – Asa, famous character of Old Norse written tradition. This theory needed to be recessed when DNA analysis showed that one of the women was of an Iranian origin, and the other, an elderly woman, was accustomed to physical labour. Both descriptions did not fit with the traditional view of a Scandinavian queen. The resultant debate moved between the buried women belonging to a royal, religious or slave social group. Imagery on items from the grave indicated the existence of a third individual. The grave was plundered in the second half of the 10th century and it is clear that the main target of the robbery were the remains of this third person, a male. The book challenges all previous interpretations and offers new, more reasonable explanations of this unique Viking Age monument.

ИНДЕКС

- Агдир 23, 61, 71, 95
«Академик» (*один из мастеров Осеберга*) 63–65, 119
Альвхейм 72, 73, 95
Альвхильд 71–73, 95
Арвиль-Нордблад Э. 31
Ари Мудрый 22
Асы 18, 31, 71, 73
Атли 56, 57, 59, 61, 95, 105, 119
- Бернер К. 15
Борре 21, 33, 61, 94, 95
Брюнхильд 54–56, 92, 119
Брёггер А. 15, 21, 23, 24, 102, 103
- Вендель 21, 81, 82, 107
Вендельский (*период*) 70, 81
Вестфольд 4, 14, 16, 22, 23, 61, 95, 98, 102
Вик 17, 22, 94, 118
- Гейрстад 21
Гейрстад-Альв 21, 71, 85
Гокстад 34, 78, 94, 99
Горм 82, 94, 98, 99
Гудрёд 21–23, 61, 71, 94, 95, 100
Гудрун 56, 59, 95, 105, 119
Гуннар 50, 56–60, 75, 92, 95, 119
Гульдберг Г.А. 24, 103
Густавссон Г. 11
- ДНК 15, 27, 28, 82
- Еллингс 82, 98, 99, 109, 120
Ессинг Г. 15, 44
- Жрица 44, 71, 73, 74, 76, 105, 106
- ибн-Фадлан 26, 27, 41, 42, 104, 110
«Импрессионист» (*один из мастеров Осеберга*) 63, 68, 69
Инглинги 21–23, 73, 81, 86, 93, 94, 95, 103, 108
Ингрид (*хозяйка усадьбы в Осеберге*) 12
Ингстад А.С. 71, 75
Иран 28, 87, 89, 90, 91
Историческое общество
Вестфольда 14, 15, 105
- Йёранссон Е.-М. 44
Йоханнес (*хозяин усадьбы в Осеберге*) 12
- Кеннинги 31, 32
Крестьянский женский союз
Вестфольда 12
Корабль 9, 11–16, 19, 20, 24, 26, 31, 35–44, 47, 48, 50, 55, 61, 62, 64, 77, 78, 92, 94, 97, 98, 100–104, 109, 118–120
Краг К. 22. 108
Кристиан V 12
Курган 4, 9, 11–16, 18, 19, 21–23, 25–27, 29, 33–35, 39, 41, 43, 44, 55, 61, 71, 77–87, 92–95, 97–102, 107, 108, 118, 120
- Линдбо Х. 15

- «Мастер Барокко» 63, 67, 68, 120
 «Мастер корабля» 63, 64, 67, 119
 «Мастер кузова саней» 63, 65
 «Мастер четвёртых саней» 63
 Меч 46, 52, 55, 81, 97
- Нерман Б. 21
- Один 52, 54, 73, 74, 81, 93
 Олав (принц) 15
 Оса 16, 23, 24, 28, 61, 62, 70, 71, 95, 99,
 100, 103
 Осло 14
- Персы 90
- Петерсен Я. 15
 Повозка 46, 50, 54, 74
 Погребальная камера 13, 15, 16, 19, 20,
 26, 33, 36, 39, 42, 43, 47, 61, 71, 74, 76, 77,
 82, 98, 104
 Процессия 43, 46, 50
- Ранглер (*погремушка*) 36, 44, 47, 48, 119
 Ром О. 11
- Сани 20, 31, 46, 61, 68, 69, 120
 «Сани Густавссона» 65
 «Сани Шетелига» 65, 66, 68, 119
 Сёренсон Э. 14
 Сигурд 55, 56, 60, 86, 93
 Скандинавия 4, 28, 32, 91, 107
 Станг А.О. 12
 Старкад 72, 73
 Стейн 21
 Стивлусунд 23
- Стурлусон Снорри 23, 25, 71, 93, 95, 103,
 108, 110
- Телега 20, 31, 32, 38, 39, 44, 46, 48, 50, 55,
 56, 58–62, 69, 71, 74, 75, 95, 105, 118, 119
 Тор 81
 Тъёдолвь из Хвинира 21
- Уппланд 21, 81
- Фафнир 86, 93
 Феофил 89–91
 Феофов 90, 108
 Фрейя 44, 71, 73–75
- Хакон Сигурдссон 93
 Хальвдан Чёрный 21–23, 41, 94, 95
 Харальд Прекрасноволосый 22, 41, 93,
 94, 98
 Харальд Рыжебородый 23, 95, 103
 Харальд Синезубый 82, 94, 98, 99
 Хауген Б. 44
 Хель 54, 92, 119
 Хейти 31, 32
 Хеймдалль 74
 Хёгни 57, 60, 95
 Хильдич Я. 13, 14
 Христиания 11, 13
- Шёлк 87, 88, 91, 108, 120
 Шетелиг Х. 61–63, 70, 106
 Шотландия 10
 Шрайнер К.Э. 14, 15, 26, 27, 102
- Эйрик Кровавая Секира 93, 94

Федір Андрощук

ОСЕБЕРГ
ЗАГАДКИ
КОРОЛІВСЬКОГО
КУРГАНУ

Редактор *Марія Яковлева*
Коректор *Марія Яковлева*
Верстка, дизайн *Андрій Будник*

Здано до набору 15.07.2017. Підписано до друку 01.08.2017.
Формат 70 x 100/16. Гарнітура PT Serif Pro. Друк офсетний.
Папір офсетний. Наклад 500 прим. Зам. № 17-183.

Видавництво «LAURUS»
Свідоцтво ДК № 4240 від 23.12.2011
04114, Київ, вул. Дубровицька, буд. 28, тел./факс: +380 (44) 234-16-30
Інші книжки видавництва http://issuu.com/laurus_press
laurus.info@yahoo.com
laurus.ua

Віддруковано у ТОВ «Друкарня “Бізнесполіграф”».
ДК № 2715 від 07.12.2006
02094, Київ, вул. Віскозна, 8.
Телефон/факс: 0 (44) 503-00-45

Книги Федора Андрощука:

**Нормани і слов'яни
у Подесенні (моделі
культурної взаємодії доби
раннього середньовіччя)
(Київ, 1999)**

**Scandinavian Antiquities of
Southern Rus'. A Catalogue
(Paris, 2012)**

**Мечи викингов
(Київ, 2013)**

**Vikings in the East:
Essays on the Contacts
along the Road to Byzantium
(Uppsala, 2013)**

**Swords and Social
Aspects of Weaponry
in Viking Age societies
(Stockholm, 2014)**

**Images of Power:
Byzantium and Nordic
Coinage, c. 995–1035
(Paris-Kiev, 2016)**

Федор Андрощук

ОСЕБЕРГ
ЗАГАДКИ
КОРОЛЕВСКОГО
КУРГАНА

Прекрасно сохранившийся деревянный корабль, раскопанный более 100 лет назад в кургане Осеберг в Норвегии, является уникальным памятником кораблестроения, искусства и погребального обряда эпохи викингов. Курган считается королевским захоронением и стал символом начала национальной истории Норвегии — её «золотого века». Благодаря редкой сохранности обнаруженных артефактов памятник в буквальном смысле представляет собой своеобразный слепок материальной и духовной культуры этого времени. Несмотря на постоянное внимание исследователей к Осебергу, этот памятник по-прежнему полон загадок. О загадках Осеберга и их возможном решении и пойдёт речь в предлагаемой читателю книге.

LAURUS

9 786177 313112